Н. А. СКОРОДИНСКИЙ

ПОТЕРЯ РОССИЕЙ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

«ЗАРЯ»

Н. А. СКОРОДИНСКИЙ

ПОТЕРЯ РОССИЕЙ ЗИМНЕГО ДВОРЦА
25 ОКТЯБРЯ 1917 г.

Глава из воспоминаний о годах
1892 - 1972
"О МИНУВШЕМ РАДИ БУДУЩЕГО"

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЗАРЯ"
- 1983 -

N. A. Skorodinsky

RUSSIA'S LOSS OF WINTER PALACE
OCTOBER 25, 1917

ZARIA PUBLISHING INC.
73 Biscay Road
London, Ontario, Canada
N6H 3K8

ОБ АВТОРЕ

Николай Александрович Скородинский родился 2 декабря 1892 года в Одессе. Окончил полный курс классической гимназии в Кишиневе, а в 1915 году - ускоренный курс Николаевского Военно-инженерного Училища в Петрограде. Учился в Военно-инженерной Академии в Петрограде и окончил ее в 1925 году. После окончания Академии прошел стажировку и затем вернулся в Ленинград, где в 1927 году был назначен преподавателем военно-инженерных предметов в Инженерной школе и на курсах усовершенствования, открытых при этой школе. В инженерной области Н. А. Скородинский избрал своей специальностью массовый бетон, его технологию и производство работ. В Советском Союзе подвергался преследованиям и провел длительный срок в заключении.



Н. А. СКОРОДИНСКИЙ

Инженерная и педагогическая деятельность автора охватывает почти пол столетия. Он участвовал в строительстве семи крупных гидро-электростанций; работал в Советском Союзе, Германии, Аргентине, Канаде. Преподавал в пяти инженерно-технических институтах, в том числе в Университете Лаваль, в Квебеке. Опубликовал ряд научных работ и исследований, главным образом в области технологии бетона.

Издательство "Заря"

ЧАСТЬ 1

ВСТУПЛЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В начале 1979 года я прочитал в одной из русских зарубежных газет статью, автором которой явилось лицо последней к тому времени эмиграции из СССР. Описывая исполнение одного трудного замысла, автор высказался в том смысле, что этот замысел неожиданно был выполнен с такой же легкостью и быстротой "с какими был взят большевиками Зимний дворец", с арестом находившихся там членов Временного правительства Керенского.

Раздумывая над этим сравнением, я пришел к предположению, что оно в СССР в подходящих случаях обратилось в поговорку. Формально для этого имелось достаточно основания, т.к. дворец продержался всего 15-16 часов, считая с момента назначения Временным правительством коменданта обороны дворца и до момента ареста этого правительства. Включение в мои воспоминания этой главы объясняется желанием вскрыть, так сказать, технологию трактуемого эпизода в том объеме, в котором я был его свидетелем и участником.

Подобные исторические события, касающиеся насильственной перемены государственного строя, несомненно представляют большой интерес во многих отношениях для будущих поколений и они должны быть обязательно записаны. Это особенно касается России, для которой потеря Зимнего дворца, как веха отмечает окончание трехсотлетнего императорского строя, с коротким переходным периодом к необычному, якобы социалистическому, режиму, повлекшему длительные общественно-политические события во всем мире.

Однако, за прошедшие более чем 60 лет, насколько мне известно, была опубликована только одна статья, объемом в 71 страницу, на русском языке, полностью посвященная этому событию: А. Синегуб "Защита Зимнего дворца" /см. библиографию/. Эта статья была написана вскоре после событий, когда многие обстоятельства политической борьбы и её детали еще не были широко известны. Вся статья носит крайне субъективный характер, отражая эмоциональные особенности автора и базируясь почти исключительно на его личных впечатлениях. Другая запись находится в книге А. Спиридовича "История большевизма в России" /см. библиографию/. Там, между прочим, приводятся краткие, но ценные сведения о восставших воинских частях Петрограда и, в частности, о тех из них, которые были выделены для взятия Зимнего дворца. О самых-же событиях на Дворцовой площади в этом источнике никаких данных нет.

Другие, позднейшие авторы /см. библиографию/, посвящая свои воспоминания и статьи предоктябрьским и последующим периодам, тоже почти ничего не говорят о событиях во дворце и на его площади. Таким образом можно считать, что хотя бы краткого, но содержательного и достаточно объективного, изложения судьбоносной ночи у дворца нет. Едва ли имеется что-нибудь по этому вопросу в иностранной печати. Что касается Советского Союза, то, насколько мне известно, там, во всяком случае до 2-ой мировой войны, ни одного общедоступного сколько-нибудь серьёзного труда или очерка на эту тему не существовало. Тенденциозные небылицы и небрежность, конечно, не в счет, хотя их не избегла и серьёзная, казалось бы, печать, достаточно ответственная. Например, журнал "Наука и жизнь" в №5 за 1968 год, поместил статью под заглавием "Из дневника Эйзенштейна", в которой известный кинорежиссер, рассказывая о подготовке к постановке фильма "Октябрь" в 1927

году /десятая годовщина революции/, между прочим говорит о поразивших его внутренних помещениях дворца, а затем с сарказмом замечает: "Невообразимо, чтобы на третьем этаже помещались коровы фрейлин, а ниже этажами истопники, пещерные люди, отапливающие этих коров". А в другом месте, говоря уже о своем профессиональном руководстве, допускает грубую неточность и пишет:"...восстанавливаются дровяные баррикады, облегавшие весь фасад дворца". В действительности баррикада облегала вовсе не весь фасад дворца, а только небольшую его среднюю часть, прикрывая главный въезд, состоящий из тройных ворот /см. схему/. Хотя замечание о баррикаде может быть названо мелочью, но в историческом фильме и оно недопустимо.

Необходимо упомянуть о "Массовом зрелище нашего века". Зрелище было создано в третью годовщину октябрьской революции, под открытым небом, на Дворцовой площади в Петрограде, с участием нескольких тысяч человек, и посвящалось взятию Зимнего дворца с попутным запечатлением его кинофильмом.

Так как оно ни в малейшей степени не отвечало исторической правде, то в настоящих воспоминаниях не нашло своего отражения. Его подробное описание можно найти во втором томе труда Юрия Анненкова "Дневник моих встреч" /см. библиографию/.

Таким образом, из сказанного можно заключить, что на протяжении более 60 лет в печати не было опубликовано цельного и правдивого описания событий у дворца, и что эти события так и останутся неизвестными, как и многие другие события истории. Но факт потери Зимнего дворца не должен быть забыт, т.к. это событие принимает совсем другую окраску, если принять во внимание исключительные по важности обстоятельства предво-

ряющие и сопутствующие октябрьской революции. Естественно, что у меня давно появилось желание осветить в печати все мне известные обстоятельства, связанные с судьбоносным событием, и я был искренне рад, когда в 1961 году ко мне обратился писатель Л. Ф. Зуров с письмом, в котором просил меня осветить по возможности полно и детально все то, чему я был свидетелем или в чем я был участником в памятную ночь. Этот материал ему был нужен для написания задуманного им исторического романа "Зимний дворец". Я ответил ему тетрадью объёмом более ста страниц, которую он получил. Будучи очень занят служебной работой, связанной к тому же с частыми поездками, я прервал с ним переписку. Значительно позже я узнал, что Л. Ф. Зуров скончался, не успев, повидимому, окончить задуманный труд. О судьбе моей тетради мне ничего не известно.

В начале 1977 года с подобной просьбой ко мне обратился профессор Квинского университета /Кингстон, Канада/ Ричард А. Пирс, которому я дал магнитофонной записью соответствующий материал, но в меньшем объёме, чем покойному Л.Ф.Зурову.

Не зная - будут ли данные мною материалы использованы вообще,и в каком объёме, я решил сам опубликовать брошюрой, отдельно от общих воспоминаний, всё что мне известно и что я думаю о потере дворца.

Выше было сказано, что факт потери Зимнего дворца был обусловлен исключительными по важности обстоятельствами, которые не должны быть забыты со сменой поколений. Для полного понимания происхождений этих обстоятельств необходимо сделать краткое отступление в область политических событий, предшествующих началу Первой мировой войны; об этом дальше следует краткий пересказ из главы 15-ой книги Спиридовича /см. биб-

лиографию/. Вот этот пересказ...

Перед Первой мировой войной, в 1914 году, Ленин, как политический эмигрант, находясь в Швейцарии, внимательно следил за нарастающим политическим напряжением главных европейских государств. Считая, что война неизбежна, он желал, чтобы Россия ее проиграла, убежденно веря, что в таком случае монархическая власть в ней может быть свергнута путем революции. Если же Россия выйдет победительницей, русское самодержавие сильно укрепится и никаких надежд на революцию не останется, а вместе с этим не останется надежд и на мировую социалистическую революцию. Таким образом, Ленин твердо стал на точку зрения пораженчества России в надвигающейся войне. Далее, понимая, что интересы германского правительства и его Генерального штаба вполне отвечают его, т.е. Ленина, идеологии, в отношении военного разгрома России, он пришел к заключению, что германо-большевистский союз явился бы очень выгодным для обеих сторон, и что он должен быть осуществлен.

В июне того же 1914 года Ленин лично отправился в Берлин и в министерстве иностранных дел сделал предложение об организации такого германо-большевистского союза. На осуществление своего плана он потребовал 70 миллионов марок. Ленин дважды посетил министерство и оба раза получил отказ в своем предложении. Но на помощь Ленину явился некто Гельфант . Если бы не эта личность, то возможно, что история Европы и мира сложилась бы совсем иначе, чем она сложилась в действительности.

Следует сказать вкратце о Гельфанте. Он известен в истории больше под фамилией Парвус. Родился он в России, в Минской губернии, в 1867 году. С молодых лет был участником русских политических кружков, а после 1905 года - активным деятелем первого Совета рабочих депутатов в Петербурге. Впоследствии Гельфант-Парвус стал гер-

манофилом, немецким социал-демократом и пропагандистом; он считал, что из Первой мировой войны победительницей должна выйти Германия, как страна обладающая наиболее могущественным пролетариатом и высокоразвитой индустрией. Став германским политическим и экономическим агентом, он по указанию немцев организовал в Женеве Бюро экономических исследований, а по сути - бюро германской пропаганды и шпионажа. Следующим местом его работы была Дания, в которой он, как главный поставщик германского угля, пользовался связями с датскими социал-демократами и развивал шпионскую деятельность с русскими большевиками через своего помощника Якова Фюрстенберга /Ганецкого/. Парвус умел сочетать политическую деятельность с коммерческо-спекулятивной, что принесло ему огромный личный капитал. Спиридович /см. библиографию/ в своей книге, в примечании на стр. 264, пишет: "По свидетельству д-ра Зива, Парвус был некогда "учителем и вдохновителем" Бронштейна-Троцкого. На вопрос, поставленный Г. Зивом Троцкому в 1916 году, в Америке - "Как Парвус?" - Троцкий ответил лаконически: "Наживает двенадцатый миллион". /Др. Г. А. Зив "Троцкий", стр. 75/.

В связи с отклонением немцами ленинского предложения о создании германо-большевистского союза, Парвус умело разъяснил германским властям историю и идеологическую сущность большевизма и особенности его вождей, под влиянием чего они, наконец, поняли все выгоды для себя от предложения Ленина и это предложение приняли. В июле того-же 1914 года Ленин был вызван в Берлин, где он и представители германского правительства выработали план тыловой войны против России и Франции. Деньги, 70 миллионов марок, Ленин должен был получить с объявлением войны. Второго марта 1917 года германский государственный банк ордером №7433 уведомил немецкие банки в Швеции, что деньгм назначенные на пацифистскую

пропаганду в России, пойдут через Финляндию и подлежат выдаче: Ленину, Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, Суменсону, Козловскому, Колонтай, Сиверсу и Марколину, которым по распоряжению банка за №2754 открыты текущие счета в частных немецких конторах Швеции, Норвегии и Швейцарии. Далее Спиридович на стр. 266 своей книги пишет: "Ныне /т.е. в 1922 г., Н.С./ немецкие генералы Гофман и Людендорф не считают нужным скрывать более факта работы Ленина на Германию и подтверждают, что Ленин служил им, что они Ленину платили." Не скрывал этого и сам Ленин-Ульянов. В двадцатых числах октября 1918 г., на одном из собраний Центрального исполнительного комитета, состоявшемся в Москве под председательством Свердлова, Ленин заявил следующее: "Меня часто обвиняют в том, что я нашу революцию произвел на немецкие деньги. Я этого не оспаривал и не оспариваю, но зато на русские деньги сделаю такую же революцию в Германии."

Деятельность Ленина по внедрению пораженческой идеологии в крестьянские и рабочие слои населения России вскрывает прославленный разоблачитель агентов-провокаторов, писатель и историк В. Л. Бурцев, который в журнале "Былое" и в газете "Общее Дело" /Париж/ написал в 1920 году много статей на эту тему. Спиридович в своей книге /стр. 266/ приводит восемь ссылок на эти статьи, из которых наибольший интерес представляет статья в №370 указанной газеты под заголовком: "Ленин и Троцкий австро-германские агенты".

Не лишена интереса и следующая выдержка из русских столичных газет от 22 июля, в которых появилось официальное сообщение от прокурора Петербургской палаты: "Ряд допрошенных по делу свидетелей удостоверил, что в начале 1917 года Германия дошла до крайнего предела напряжения и ей был необходим самый скорый мир, что Ленин, проживая в немецкой Швейцарии, состоял в общении

с Парвусом /он же Гельфант/, имеющим определенную репутацию немецкого агента; что Ленин, посещая лагери, в которых находились пленные украинцы, вел пропаганду отделения Украины от России. В связи с его приездом, в Германии не стесняясь говорили открыто: "Ленин это посол Вильгельма. Подождите и увидите, что сделают наши деньги". /Спиридович, стр. 355 и 356/.

В книге "Ленин в Цюрихе" /см. библиографию/ А. И. Солженицын дает в высоко-художественной форме описание лиц, причастных к германо-большевистскому соглашению со стороны ленинского окружения: тут и имена главных деятелей, и их характеристики и интереснейший диалог между Лениным и Парвусом, и организация пересылки германских денег в Петербург, и отправка немцами после февральской революции из Швейцарии в Петербург Ленина с группой ближайших сотрудников и друзей с согласованной численностью в несколько десятков человек, и многое другое.

Покончим с ссылками, подтверждающими наличие германо-большевистского соглашения, и обратим внимание на следующую официальную бумагу, направленную германскими властями 25 октября 1917 года Совету Народных Комиссаров /Спиридович, стр. 399/; содержание этой бумаги является программой политической работы немцев на территории России. Вот ее текст.

"Согласно происшедших в Кронштадте в июле сего года соглашений между чинами нашего Генерального Штаба и вождями русской революционной армии и демократии г.г. Ленина, Троцкого, Раскольникова, Дыбенко, действовавшее в Финляндии русское отделение нашего Генерального Штаба командирует в Петербург офицеров для учреждения Разведочного Отделения Штаба. Во главе петербургского отделения будут находиться следующие офи-

церы в совершенстве владеющие русским языком и знакомые с русскими условиями: майор Любертц, шифрованная подпись, майор фон-Бельке, шифрованная подпись Шотт; майор Бейермейстер, шифрованная подпись Бер; лейтенант Гартвин, шифрованная подпись Генрих.

Разведочное Отделение, согласно договора с г.г. Лениным, Троцким и Зиновьевым будет иметь наблюдение за иностранными миссиями и военными делегациями и за контр-революционным движением, а также будет выполнять разведочную и контр-разведочную работу на внутренних фронтах, для чего в различные города будут командированы агенты.

Одновременно сообщается, что в распоряжение правительства народных комиссаров командируются консультанты: по Министерству иностранных дел г. фон-Шенеман, по Министерству финансов г. фон-Толь.

Начальники Русского Отдела Германского Генерального Штаба О. Рауш, адъютант Ю. Вольф."

Немцы, как указано в этом документе, между другими обязательствами приняли на себя наблюдение за "...контр-революционным движением и ... разведочную и контр-разведочную работу на внутренних фронтах", т.е. обещали помогать большевикам при анти-коммунистических выступлениях русского населения, а, следовательно, и в гражданской войне. Только этим можно объяснить случаи присутствия в рядах Красной армии немецких офицеров. О таких случаях пишет П. Жильяр /стр.283, см. библиографию/: "... маленькая, храбрая армия добровольцев генерала Алексеева...отчаянно боролась против советских полков пополненных немецкими офицерами." А на стр. 248 он пишет о том, что в мае 1918 г. между Самарой и Владивостоком, вдоль Сибирской железной дороги, находились чехо-словацкие войска, бывшие военнопленные, в составе двух сильных дивизий. Подготовлялась их эвакуация во Францию.

Германский генеральный штаб, не желая усиливать за их счет фронт противника на Западе, внушил большевикам дать приказ о разоружении чехословаков. Последние оказали этому сопротивление и возникла борьба между ними и отрядами большевиков, находящихся под командой немецких офицеров. Из последней выдержки видно, как немцы широко использовали германо-большевистский союз и как далеко они направляли по территории России своих офицеров.

Очень знаменательно мнение того-же автора в отношении оценки Германии, как страны понимающей действительное состояние России и психологию ее населения. Вот что он пишет в той же книге на стр. 168: "Германия была единственным государством Европы, которое знало Россию; она имела понятия более точные и более полные в этом, чем сами русские. Она давно отдала себе отчет в том,что царский режим, несмотря на его недостатки, был единственным, при котором Россия способна была продолжать сопротивляться. Германия знала, что падение царя отдавало бы Россию на милость Германии, и всеми средствами она старалась вызвать это падение..."

Среди этих средств особенно плодотворны были ложь и клевета... Помню, какое возмущение, главным образом среди военных, вызвал слух о том, что царица, якобы, посылала подарки пленным немецким офицерам и солдатам, находящимся в русском госпитале, игнорируя там же лежащих русских. Немало слухов циркулировало о поведении Распутина во дворце, о казнокрадстве высших генералов и т.п. Все было направлено на дискредитацию верховной власти. Слухи распространялись разными путями: через профессиональных агентов, через жителей Петербурга немецкого происхождения, тайно желающих военного успеха немцам, русских германофилов, но больше всего через мало-культурных, но болтливых жителей.

Теперь, после отступления от главной темы, объясним причину этого отступления. Оно было вызвано необходимостью показать, что причина потери дворца не явилась результатом неудачных условий практического характера, сложившихся только к самому времени вооруженного столкновения сторон, как это часто бывает, а имеет глубокие исторические корни в политико-стратегических обстоятельствах состояния Германии.

Зарождение этих корней относится к созданию германо-большевистского союза в 1914 году, о чем уже была речь, а настойчивое и торопливое вмешательство немцев в начале 1917 года в вооруженную борьбу против Временного правительства на стороне Ленина объясняется пониманием Германией приближающегося ее поражения в войне. Она понимала, что может избежать военного разгрома только в том случае, если в России власть Временного правительства будет заменена властью большевистского правительства Ленина, которое заключит с Германией немедленно мир, позволяющий, во-первых, снять 130 немецких дивизий с русского фронта и переместить их на фронт Западный, являющийся главным, а, во-вторых, использовать огромные природные и промышленные ресурсы России для продолжения войны до победы.

Можно-ли сомневаться в том, что германское руководство, имея перед собой такую перспективу в важнейшей государственной задаче, не использовало бы всех возможных средств для ее осуществления? Конечно, сомневаться нельзя. И Германия блестяще использовала создавшуюся ситуацию, прикрыв действительное соперничество Германии и России в национально-военном отношении открытой внутрироссийской классовой борьбой революционного пролетариата с идеологией Ленина, против Временного правительства.

Кульминационным пунктом этой борьбы явилась короткая вооруженная схватка у стен дворца

двух систем: одной, как нападающей, ленинско-германской, стратегической, агрессивной и сильной, с длительной подготовкой, и другой, национально-российской со стороны защитников дворца, почти случайной, не подготовленной, по сути слабой и к тому-же еще искусстно ослабляемой противником.

Для воссоздания общей ситуации быстро развивающихся событий, как военно-политического характера, так и морально-психологического состояния населения, приведем несколько соответствующих замечаний.

В феврале 1917 года, к радости Германии, благодаря ее деньгам и союзу с Лениным, неожиданно для огромного большинства населения России, разразилась революция, свергнувшая императорский строй. Она резко активизировала германо-большевистский союз: у Ленина и его единомышленников верой в приближение социалистической революции во всем мире, а у немцев - верой в сепаратный мир с Россией, с использованием ее природных и промышленных ресурсов, необходимых для продолжения войны на западном фронте до победы Германии.

Вскоре после революции и установления власти Временного правительства, началось разложение русской армии в тылу и на фронте. В Петрограде коммунистические вожди требовали публично отстранения от власти членов Временного правительства, как министров "капиталистов", и передачи всей власти советам, а на фронте с лозунгом "Мир без аннексий и контрибуций", внедрялись в солдатские массы "демократические свободы", начались братания с немецкими солдатами и устанавливались с ними местные перемирия.

И у коммунистических вождей и у немцев политика Временного правительства вызывала бешенную ярость, как декларирующая продолжение

войны с верностью союзникам, что противопоставлялось выходу России из войны и заключению с Германией сепаратного мира. Это существенное преткновение в домоганиях германо-большевистского союза не могло не вызвать соответствующей реакции и не повлиять на сознание и поведение общественно-политической жизни и населения проведением соответствующих мер. Постепенно стала чувствоваться какая-то настойчивая и целеустремленная атмосфера, создаваемая неведомой силой. Немыслимо было предположить, что эта атмосфера является результатом свободных и естественных мыслей, сознания и поведения всей разнообразной и взбудораженной массы людей. Никаких оппозиционных выступлений или хотя бы публичных высказываний на митингах не было, что так не походило на бесконечные речи бесчисленных ораторов на жгучие темы, владевших улицей с начала образования Временного правительства. Немецкая часть германо-большевистского союза в своих интересах создавала благоприятную для себя обстановку,прикрываясь и согласовывая ее с интересами и лозунгами "пролетарской революции".

В отличие от актуальной и агрессивной деятельности германо-большевистского союза, Временное правительство с первого дня своего существования продолжало восхвалять осуществление "Бескровной революции", и несмотря на войну строго следило за соблюдением основных социал-революционных принципов "свободы и равенства". Оно почему-то считало, что эти лозунги являются вполне своевременными, несмотря на войну, и что все партии имеют право на существование и на политическую деятельность - положение весьма отвечающее интересам германо-большевистского союза. Исключение было сделано только партии анархистов, которая была без шума ликвидирована вскоре после зарождения, вероятно, как опасная названному выше союзу.

Остается непонятным - благодаря каким качествам Керенский возглавлял столь ответственные государственные посты, как: глава Временного правительства, военный и военно-морской министр, председатель Совета министров и Верховный главнокомандующий, хотя ни в одной из перечисленных областей у него служебного опыта не было. Допустим, что он был умный и исключительно восприимчивый человек, легко идейно ориентируясь в чуждых ему областях, но ведь область всякого серьезного вопроса кроме идейной стороны всегда содержит и чисто практические стороны, оптимальная постановка которых является не менее важной, чем идейно-теоретическая, а таких у Керенского быть не могло, как бы умен он ни был. Во всяком случае его личные качества "не профессионала" немцев устраивали по принципу "чем хуже, тем лучше", и, возможно, что они ему тайно протежировали,без его ведома.

Эмоционально либеральная часть населения Петрограда, в своем обожании нового идола, дошла до того, что в витринах некоторых магазинов выставлялись фотоснимки с картины: в прорыве грозных туч на небе сияет лучезарная фигура Александра Федоровича, а внизу, на земле, толпится ликующий народ, простирающий к нему руки с цветами и венками. Этот экспонат демонстрировался недолго, всего несколько дней, но я его видел.

Возвращаясь к основной теме,заметим, что Временное правительство, как высшая власть в России, только меньше чем за 24 часа до своего падения решила бороться оружием против большевиков и то со строжайшим приказом: "первыми огня не открывать!" Но уже было поздно и все министры, как мыши в подготовленную мышеловку, попали в Зимний дворец, который был взят вместе с ними русскими солдатами и матросами, спровоцированными большевиками, на немецкие деньги. Тактическая подготовка и главное руководство этой операцией

были выполнены не дилетантом Троцким с помощниками, как это тогда декларировалось, а чинами германского генерального штаба.

Теперь постараюсь объяснить, на основании чего я делаю такое необычайное заключение о причастности немцев к взятию Зимнего дворца и аресту членов Временного правительства. Насколько мне известно, о таком мнении, как об историческом факте, никто в течение более 60 лет в открытой печати не выступал и ни от кого о такой акции немцев я не слышал, однако, для меня она стала историческим событием потому, что это доказали и логические выводы из создавшихся тогда обстоятельств, и отдельные, иногда, казалось бы, малозначущие факты памятной ночи.

Начнем с обстоятельства самого главного. Как известно, в 1917 году перед обессиленной Германией уже встал призрак поражения в войне. Она была больше не в силах вести ее с успехом на всех фронтах, а ее попытки склонить царскую Россию к заключению сепаратного мира успеха не имели. Послереволюционное Временное правительство, как было уже сказано, тоже объявило о продолжении войны и верности союзникам, но самым необнадеживающим событием было вхождение в войну, на стороне союзников, Соединенных Штатов Америки /апрель 1917 года/.

Оказавшись в безнадежном положении, но помятуя, что ахиллесовой пятой России являлись социальное неравенство и низкий культурный уровень подавляющей части ее населения, Германия утвердилась в том, что теперь только один Ленин, со своей пораженческой идеологией и пропагандой, сможет разложить русский фронт и спасти Германию от военного разгрома, и что это спасение придет тогда, когда Ленин свергнет Временное правительство Керенского и заключит сепаратный мир с Германией, с выгодными для нее последствиями.

Итак, германо-большевистский союз, дважды отвергнутый немцами в 1914 году, теперь оказался единственным, сулящим ей спасение. Германское руководство союза с Лениным должно было оказать помощь большевикам в свержении власти Временного правительства, на что немцы охотно пошли, понимая, что такую помощь, сулящую им победу над Россией и создавшуюся в таких благоприятных условиях, было совсем не трудно выполнить, в сравнении с ведением войны на необозримых пространствах восточного фронта.

Таким образом, германское военное командование не только инкогнито оказалось в Петрограде, в столице враждебной страны, но и добилось над ней победы своим вооруженным вторжением в Зимний дворец для ареста Временного правительства. После этого, в распоряжении немцев, потенциально, оказалась чуть ли не двухсоттысячная армия бывшего Петроградского военного округа, а теперь вождя Ленина, косвенно готовая служить Германии оружием /конечно, этого не понимая/. Авторы исторических воспоминаний об Октябрьской революции, в течение многих послереволюционных лет, считают, что организационная и тактическая часть восстания были созданы Военно-революционным комитетом восставшей стороны, с участием Троцкого, Антонова-Овсеенко, Чудновского, Подвойского и др., и хотя такой комитет действительно существовал, но он служил только ширмой для немцев, прикрывающих им свое руководство событиями, т.к. никак нельзя допустить, что они разрешили бы кому бы то ни было разработку и осуществление такого важного акта государственного и исторического значения.

Вожди-коммунисты, ведающие в то время военными делами, под термином "успех восстания" понимали совсем другое содержание, полагая, что вполне достаточно наличия у восставших факторов эмоционального порядка: ненависти к врагу, еди-

нодушия и т.п., конечно, при соответствующей многочисленности восставших. Всякие же приемы и расчеты тактического, а тем более стратегического порядка, им были незнакомы. Подтверждением сказанного служит организация восстания /или демонстрации?/ большевиков в июле 1917 года, беспланового, хаотического, с числом восставших в двадцать тысяч солдат и матросов, с оркестрами музыки, которые не знали, что им делать, и которых, в конце концов, охладил и рассеял проливной дождь /см. библиографию - Д. Анин, стр. 310/.

Немцы, конечно, знали об этой неудаче и исключили ее повторение, предоставив Военно-революционному комитету роль пропагандистов и подгонщиков, оставив себе составление всего проекта взятия дворца, его осуществление и арест Временного правительства руками большевиков и своих офицеров, переодетых в русскую военную форму. Кроме выполнения главной задачи по подготовке и осуществлению взятия дворца, немецкое руководство несомненно имело программу и всех второстепенных или вспомогательных мероприятий для скорейшего и оптимального выполнения главной задачи. Естественно, что исполняя обязанности командира роты юнкеров Инженерной школы, я мог знать или догадываться только о тех немногих мерах, которые были доступны моему наблюдению только во дворце и на площади. О некоторых я постепенно узнавал из последующей литературы в продолжении почти шестидесяти лет.

Несомненно, что большинство из тех мер, которые были предприняты немцами в этом направлении, так и осталось неизвестным. Дальше следует перечень тех мер, которые были мною замечены, и из которых большинство, вероятно, не могло бы и в голову прийти членам Военно-революционного комитета, если бы именно они занимались проектом всей агрессии.

Возможно, что когда-нибудь все правдивые детали событий у дворца станут общеизвестны. Вот некоторые из мер, осуществленных немцами:

1. Дислокация мятежных войсковых частей. /См. библиографию, А.И. Спиридович/ Все восставшие части были распределены по трем группам: первая группа предназначалась для взятия Зимнего дворца и должна была располагаться вблизи него, у Дворцовой площади и по прилегающим улицам. Вторая группа предназначалась для защиты штаба восставших, занявших здание Смольного института, на случай неожиданного на него нападения частей Временного правительства. Третья группа должна была защищать подступы к Петрограду и располагалась у вокзалов, а также у мостов железных и шоссейных дорог. Числа 27 или 28 октября я побывал у Смольного и видел, что у главного фасада установлены артиллерийские орудия с часовыми-матросами, а в окнах этажей помещены забронированные пулеметы.

Отдельным отрядам было поручено "распустить" Предпарламент, находившийся в Мариинском дворце, и занять центральные телефонную, телеграфную и электрическую станции, Государственный банк и другие пункты, имеющие тактическое значение. Все это было продумано с немецкой тщательностью и выполнено в ночь с 24 на 25 октября,без всякого сопротивления Временного правительства и без оповещения населения. Утром 25 октября главные жизненные пункты города уже были в руках восставших. Все это совсем не было похоже на июльское восстание.

2. Заблаговременное сосредоточение министров - членов Временного правительства, в одном месте. Свержение режима Временного правительства не могло бы быть завершено без ареста всех или почти всех его членов. А такой арест мог произойти только в том случае, если бы его члены, все вместе, находились в одном месте. Поэтому

можно полагать, что замысел свержения и предусматривал собрание всех министров в Зимнем дворце. Повидимому, все было выполнено по заранее подготовленной программе. Для чего Керенский, утром 25 октября, перед отъездом на фронт за верными войсками /как считается/, созвал в штабе Округа всех министров, хотя в виду военной тревоги это совещание должно было быть, по смыслу, посвящено только военным вопросам, и почему все министры после отъезда Керенского перешли в Зимний дворец? Очевидно, что при той паутине немецкого шпионажа, провокации и дезориентации, которой было опутано все руководство, даже самые скромные и безответственные слова кого-нибудь из присутствующих о том, что не мешало бы, мол, для большей безопасности перейти всем в Зимний дворец, поддерживаются и выполняются. В пункте первом, о дислокации восставших войск /см. выше/, говорилось, что для овладения дворцом была выделена специальная группа /состав которой в последующем изложении, при сравнении численности осажденных и осаждающих, будет указан/, следовательно, это руководство знало, что предстоит вооруженная борьба за дворец.

3. Приказ Временного правительства защитникам дворца "первыми, ни в коем случае, огня не открывать". Этот приказ, очень вероятно, был внушен немцами через "своих" людей членам Временного правительства с целью сохранить за собой инициативу активных действий и в то же время подавить решительные действия защитников.

4. Роль бывших обитателей царского госпиталя. Такой госпиталь до Февральской революции находился на третьем этаже дворца и содержал на излечении раненных на войне воинов. После этой революции, благодаря общей разрухе и хаосу, в нем продолжало жить, как в общежитии, какое-то число давно выздоровевших солдат. Они принимали участие в общественной жизни города, как и прочие

солдаты гарнизона, приходили "домой" только к ночи и хорошо знали нужные им входы и лестницы дворца. Их, как и военнослужащих расположенных в казармах города, посещали пропагандисты ленинской идеологии, сделав из них выгодную для себя ячейку адептов, которые во время боевых действий уже во дворце, бросали с третьего этажа ручные гранаты в пролеты лестниц /см. библиографию, А. Синегуб/. Подготовляя восстание, немцы о них не могли не знать и умело их использовали.

5. Двух или трех-кратное включение, с наступлением ночи, наружных фонарей дворца, ярко осветивших главный фасад и главную баррикаду защитников. Никто из руководителей осажденных не только не давал распоряжения о таком включении, но даже никто из них не знал где находится помещение управления осветительной сетью и где искать дежурного монтера. Прошло около получаса, прежде чем монтер выключил наружные фонари. Через некоторое время фонари опять включались один или два раза, но теперь ключи находились у одного из офицеров-защитников и фонари быстро гасились. По чьему распоряжению и кем они были включены первый и последующие разы - осталось неизвестным, но можно предполагать, что это делалось по приказу немцев.

6. Затруднения с освоением планировки дворца. Знакомство с планировкой всех этажей дворца, с его внутренними дворами, с многочисленными входами, лестницами, корридорами, парадными залами, служебными помещениями, и пр. и пр. было совсем не важно для успеха нападающих, но для защитников оно было совершенно необходимо, как для организации связи с подразделениями,так и для наблюдения за действиями нападающих. Однако план дворца у осажденных существовал только в одном экземпляре и руководствоваться им или даже кратко ознакомиться с ним защитники не могли, т.к. он всегда находился то в зале министров,

то у коменданта обороны. Это было крайне досадно, т.к. приходилось знакомиться с планировкой практически, т.е. личным осмотром офицером, с помощью юнкеров, что было очень трудно, т.к.общая площадь всех 5 этажей дворца, считая подвал, чердак и площади внутренних дворов, составляла более 15 гектаров /около 37 акров/* Главное затруднение заключалось в том, что разведывательные группы то и дело натыкались на запертые двери разных помещений, что лишало защитников правильной и быстрой ориентировки; заниматься же взломом никому и в голову не приходило, в расчете на то, что к этому делу будет привлечен комендант дворца, на котором лежали все хозяйственные заботы. И хотя такой комендант во дворце существовал и, теоретически говоря, он мог во многом быть полезен осажденным, но где он помещался и как его найти - никто не знал. Никто не знал кем, когда, и от какой части он назначен,в том числе был в неведении и комендант обороны, который получил от него единственный экземпляр плана дворца. Он не любил разговаривать, всегда куда-то торопился, и я его видел раза два или три. На мой вопрос: нельзя ли через Штаб округа получить для юнкеров какое-нибудь питание, хотя бы хлеб, он ответил, что сейчас он очень занят и моим делом не может заняться. Впоследствии, по истечении долгого времени, когда я познакомился с соответствующей исторической литературой, и узнал о состоявшемся в 1914 году германо-большевистском союзе, то, анализируя известные мне факты, пришел к убеждению, что этот комендант был немецким офицером, переодетым в русскую военную форму и направленным немецким командованием через своих людей из Штаба округа во дворец, как его комендант. Тогда я понял, что он действительно был очень занят во дворце, т.к. должен был держать непрерывную телефонную связь со своим немецким командованием, находящимся, вероятнее всего, в Смольном, в штабе восставших.

Ради этой связи не прерывалась работа городской телефонной станции, которая была занята восставшими к утру 25 октября, о чем пишет и А. П. Синегуб /см. библиографию/. В то же время телефонной связи ни с Мариинским дворцом /Предпарламент/, ни со Штабом округа, ни с другими организациями Временного правительства, уже не существовало /см. библиографию - Н.Н. Суханов, Д. Анин/.

7. Еще один факт, подтверждающий, что комендант дворца, до его потери, был немецкий шпион-самозванец. Суть факта заключается в воротах, находящихся в высокой железной ограде, соединяющей дворец с Эрмитажем и выходящих на Миллионную улицу /см. схему/. И ограду и ворота я знал хорошо, т.к. в 1915 году, по окончании Николаевского военно-инженерного училища, был назначен в создаваемую тогда для нужд войны Инженерную школу прапорщиков и пока подыскивалось для нее помещение в переполненном тогда населением Петрограде, я работал в Штабе округа на Дворцовой площади, в котором было отведено временное помещение для организационной работы. Поэтому я проходил мимо этих ворот два раза в день по Миллионной улице. Когда школа получила помещение, мне, хотя и значительно реже, но все же приходилось бывать в Штабе округа. В течение долгого времени имея возможность видеть эти ворота, я всегда видел их закрытыми и запертыми цепью с очень большим висячим замком и никогда не видел за оградой в узком и длинном дворе ни одного человека. Это и понятно: и дворец и Эрмитаж имели множество других выходов и на набережную Невы, и на Дворцовую площадь, и на Миллионную улицу. А вполне возможно, что эти ворота создавались как выполнение пожарных требований и условий дневной освещенности внутренних помещений. Во всяком случае, я тогда свыкся с мыслью, что это не действующие или "мертвые" ворота, какие в больших столичных зданиях встречались не редко.

Но вот, в знаменательную ночь, когда после потери дворца я из него выбрался в сопровождении матроса-гвардейца /о котором подробнее будет сказано дальше/ и направился с ним по Миллионной улице, я, несмотря на только что пережитое сильное нервное потрясение, с изумлением увидел, что "мертвые" ворота обеими половинами широко открыты и за ними, в длинном дворе, толпятся с оружием матросы и солдаты. Это было скрытое и безопасное скопление осаждающих в расстоянии 150-170 метров от главного въезда во дворец и от баррикады защитников дворца, чтобы массой подавить их сопротивление.

Впоследствии я долго терялся в догадках о том - кто мог отпереть и открыть ворота. Остановив свое внимание на "коменданте" дворца, и, насколько это было возможно, внимательно пересмотрев его поведение, я пришел к выводу, что это мог сделать только он, исполняя приказание своего действительного начальства. Так было и в случае включения наружного освещения дворца, а также и в содержании под замком некоторых внутренних помещений, которые были нужны немцам, как, например, помещения имеющие телефонные аппараты, помещения для хранения оружия и т.п. Для всех подобных мер нужно было иметь множество ключей, которые и имел "комендант дворца".

8. Теперь мое доказательство об участии немецкой армии в помощи Ленину взять Зимний дворец. Я видел, как два немца, переодетые в русскую офицерскую форму, вели по улицам Петрограда восставших русских солдат к штурму Зимнего дворца. Подробности этого эпизода изложены в описательной части, а сейчас я хочу сообщить только самый факт встречи с переодетыми офицерами.

Это произошло приблизительно через пол часа после того, как я и сопровождавший меня матрос покинули Дворцовую площадь, после взятия дворца

восставшими. Матрос сам предложил проводить меня домой: "Давайте буду буксировать вас до дому, а то как бы чего не вышло", сказал он. Мы направились к Литейному проспекту и углу Кирочной улицы, где была моя квартира. Когда мы шли по Пантилеймоновской улице и подходили к Гагаринской, то увидели, что навстречу нам по обоим тротуарам идут гуськом вооруженные солдаты, а за последним солдатом идут два офицера, на противоположном от нас тротуаре. Они были в снаряжении и в шинелях солдатского сукна. Когда мы сблизились, мой спутник остановился и спросил - "Куда, ребята, идете?" Один из солдат ответил - "Брать Зимний дворец." "Уже взят, опоздали", сказал матрос и мы пошли дальше. Это было приблизительно в три часа ночи и на улицах было тихо и пустынно, но освещены они были, как всегда, хорошо. Офицеры, замыкающие движение солдат на другой стороне улицы, громко разговаривали и смеялись и я ясно слышал ... немецкую речь! Я, без всяких рассуждений, принял их за русских восставших офицеров и только удивился их нетактичности, позволившей им говорить по-немецки в присутствии солдат. Много позже, вспоминая этот эпизод, и уже знакомый с сущностью германо-большевистского союза, и сообразив, что эти молодые офицеры едва ли говорили бы по-немецки, если бы и знали этот язык, я понял, что это были немцы, введенные в ряды восставших под видом русских офицеров-коммунистов.

----

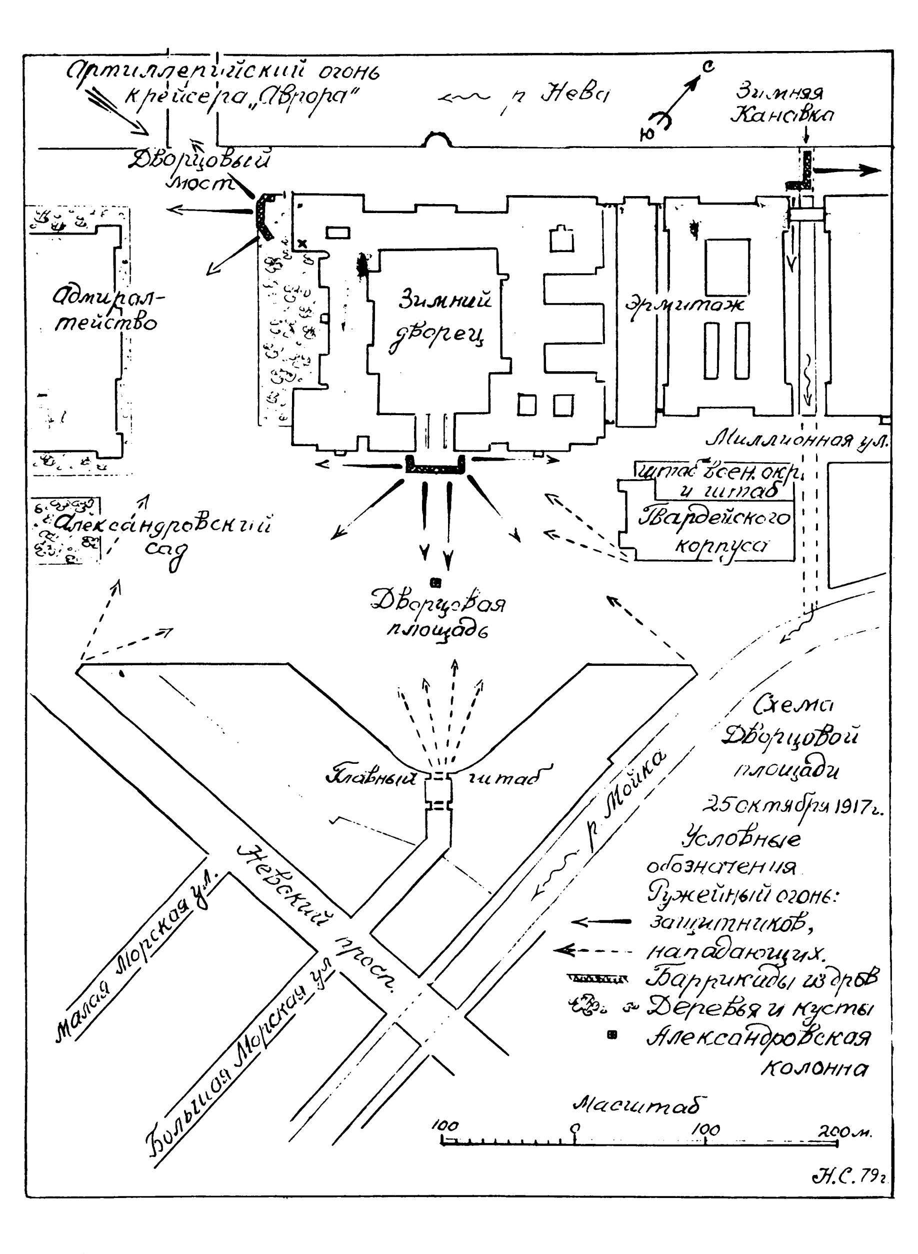
*Стр. 25. Дворец включал: 1050 парадных и жилых комнат, 1945 окон, 1786 дверей и 117 лестниц.



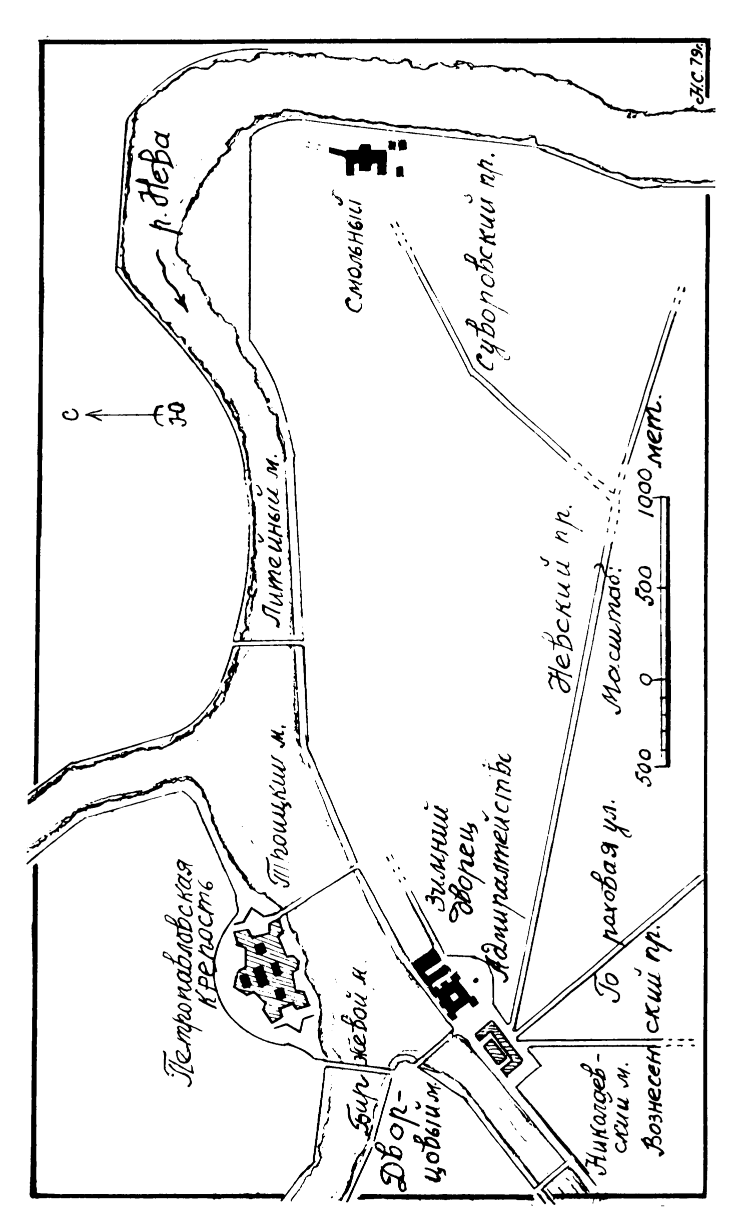
1. Главный фасад Зимнего дворца и Александровская колонна. Вид из под арки Главного Штаба.

2. Дворцовая площадь и Главный Штаб со стороны дворца.

3. Зимний дворец со стороны Невы.



4. Схема Зимнего дворца и его площади /рисунок автора/.



5. Схема взаимного расположения Зимнего дворца и Смольного института /рисунок автора/.

ЧАСТЬ 2

СОСТОЯНИЕ И БОЕВЫЕ РЕСУРСЫ ВРАЖДУЮЩИХ СТОРОН

В первой части было сделано краткое изложение исторических событий, предваряющих возникновение германо-большевистского союза, его последующая роль в дезорганизации государственного аппарата России и свержении власти Временного правительства после вооруженного столкновения.

В этой части производится сравнение тех условий и ресурсов, которыми обладала каждая из сторон, с мотивировкой их огромного неравенства. Часть 3 дает описание событий, происходивших во дворце и на его площади, приблизительно в хронологическом порядке, с оценкой морального состояния защитников и нападающих. Некоторые события, явления или детали иногда повторяются; так, если они трактуются, например, и в части 2-ой и в части 3-ей, то трактуются с разных точек зрения, присущих основным темам этих частей. Такое повторение не должно быть осуждено, т.к. оно дает разностороннее понимание содержания событий.

Теория вооруженных столкновений считает, что победившей стороной оказывается та, сумма главных состояний и ресурсов которой, выраженных в условных, но одинаковых показателях, является большей. Главными же состояниями и ресурсами обычно считаются: моральное состояние, профессиональный навык и дисциплина, опытность и инициатива руководителя, знакомство с объектом борьбы, уверенность в возможности достижения цели, степень вооружения, численность каждой стороны, снабжение, и другие менее важные факторы.

В настоящее время, пользуясь литературными данными, появившимися за много лет исторической перспективы, и судя по действительным событиям и фактам того времени, можно произвести правдивое сравнение главных качеств и условий враждующих сторон. Оценим и сравним их в том же порядке, в каком они были перечислены.

1. Моральное состояние. Это состояние осажденных, в течение 25 октября, прошло через все фазы: от состояния высоко-патриотического, готового на самопожертвование, охватившего молодежь с утра этого дня, и до полного морального опустошения к ночи, когда весь гарнизон дворца, уже с первой половины дня оказался свидетелем ряда обстоятельств, тормозящих или исключающих нормальное проведение вооруженного сопротивления, о чем дальше будет сказано подробнее. Что же касается нападающих, то наоборот: их моральное состояние повышалось все больше по мере приближения ночи, когда факторы, способствующие овладению дворцом, проявлялись все с большей активностью.

2. Профессиональный навык и дисциплина. У осажденного гарнизона дворца, состоящего на 85-90% из юнкеров, т.е. учеников, такого навыка быть не могло; что касается дисциплины, то таковая у них была на достаточной высоте, но для ее проявления не было оснований, т.к. их роль была пассивна и их офицеры не давали им никаких приказаний боевого характера, не имея таковых от Штаба округа, через коменданта обороны. Совсем другими качествами и условиями обладал контингент нападающих. Прежде всего, он состоял из людей старшего возраста, из которых многие находились на действительной военной службе в Балтийском флоте и в частях Округа. Затем, значительную силу представляла "красная гвардия", т.е. рабочие заводов и фабрик, работающих на оборону и не мобилизованных поэтому в армию. Многие из

них проходили в свое время военную службу, отбывая воинскую повинность, а при Керенском, с его разрешения, они были вооружены и получили название "красной гвардии". Численность ее в Петрограде доходила, как тогда считалось, до 60-70 тысяч человек. К названным категориям надо еще прибавить мобилизованных крестьян, проходивших военную подготовку в запасных частях Петрограда, составлявших огромную массу: тогда называлась цифра около 200.000 человек. Частично в порядке добровольчества, а частично в силу "революционной дисциплины", из этих трех категорий и были укомплектованы отряды осаждающих Зимний дворец и его площадь.

3. Опытность и инициатива руководства. Руководство осажденными находилось в руках офицеров, средних по своим качествам, каких было большинство в России. Некоторые из тех, которые оказались в Зимнем дворце, имели боевой стаж на фронтах происходившей тогда Первой мировой войны. Но их деятельность на фронте осуществлялась в благоприятных условиях активности и инициативы, а, главное, там всегда была ясность цели и вера в возможность ее достижения, в отличие от вынужденной пассивности и сознания бесплодности любой разумной инициативы у стен Зимнего дворца.

Совсем в других условиях находились руководители нападающих, для которых и стратегический и тактический планы были созданы в Петрограде сотрудниками русского отдела германского генерального штаба, о чем уже была речь. Эти планы были созданы немцами в условиях достаточного времени, свободы инициативы и методов вооруженной борьбы, с конечной целью свержения Временного правительства Керенского и установления пораженческого правления Ленина. Немецкие же деньги, посылаемые щедрой рукой германского правительства, быстро оплачивали все то, что было необходимо для успеха немцев.

Таким образом, резюме этого пункта может быть сформулировано в следующем смысле: руководство осажденных, силой обстоятельств, находилось в глубоко пассивном состоянии, в то время как руководство нападающих имело все средства для широкой и предельно активной деятельности, что создавало для него решительное преимущество.

4. Знакомство с объектом борьбы /применительно к нашей теме/. Этот пункт является односторонним, т.к. он был очень существенным только для осажденных, которые неожиданно попав в огромное здание для его обороны, должны были прежде всего вполне освоиться с его планировкой, как об этом было сказано раньше. Осаждающие были свободны от этой заботы и имели полное преимущество по этому пункту. Нельзя допустить, чтобы в Штабе округа или в документациях дворца существовал только один экземпляр чертежа планировки последнего. Ясно, что не в интересах немцев и восставших было существование в руках осажденных такого руководящего документа.

5. Уверенность в возможности достижения цели. У осажденных никакой уверенности в этом быть не могло, потому что прежде всего было не ясно, как можно устранить опасность ареста Временного правительства. Думать об активном воздействии на восставших только силой своего оружия было бы равносильно вере в возможность выиграть вооруженную борьбу против сил всех восставших частей военного округа и флота с их огромным людским составом и вооружением; надежда же на прибытие сильных частей с фронта ничем кроме слухов не поддерживалась и министры во дворце знали, что подступы к городу уже заняты восставшими, для встречи этих частей. У осаждающих же была уверенность в аресте Временного правительства в случае взятия дворца, т.е. взятия главной баррикады.

6. Степень вооружения. Трудно себе вообразить ту небрежность, с какой Штаб округа отнесся к вооружению юнкеров, призванных этим же Штабом защищать Временное правительство. В день вызова Инженерной школы ко дворцу, ее руководство затребовало от Штаба недостающее количество винтовок, на что был дан ответ, что оружие будет выдано немедленно по прибытии этой школы на Дворцовую площадь. Однако, чтобы его получить, потребовалось больше двух часов на предварительное выполнение всяких формальностей, обходя по этажам и комнатам разных чинов Штаба. Казалось бы, что в виду такой тревоги, можно было бы и не следовать канцелярской процедуре. Возможно, что и здесь был саботаж. Боевых пулеметов в этой школе не было, а обучение происходило на двух только демонстративных пулеметах. На баррикадах же дворца было помещено несколько пулеметов, принадлежавших Пехотным школам. Винтовочных патронов нехватало: на каждую винтовку Инженерной школы имелось всего по три обоймы, т.е. по 15 патронов. И этим заканчивается перечень вооружения осажденных: никаким другим оружием они не обладали.

Совсем по-иному были вооружены нападающие, в распоряжении которых находилось все оружие восставших частей Петрограда, и сухопутных и морских сил. По свидетельству ген. Спиридовича /см. библиографию/, количество винтовок с патронами и пулеметов было практически неисчерпаемо, а, кроме того, имелось 2 броневых автомобиля, 2 орудия, вооружение четырех миноносцев, пришедших из Кронштадта, и артиллерия крейсера "Аврора", подведенного к Николаевскому мосту. Даже Петропавловская крепость, державшая сначала нейтралитет, потом начала грозить по-телефону своими боевыми средствами, хотя у нее боевой артиллерии не было /чего осажденные не знали/.

7. Численность каждой стороны. Согласно приказания штаба Петроградского военного округа,

в Зимнем дворце, к утру 25 октября, были сосредоточены следующие воинские силы:

Юнкера первой и второй школы подготовки прапорщиков пехоты из Ораниенбаума.

Юнкера такой же школы из Петергофа.

Юнкера такой же школы, но инженерных войск из Петрограда.

Женская ударная рота "Батальона Смерти".

Инвалиды - георгиевские кавалеры, офицеры и солдаты.

Последние две группы прибыли позже, в течение дня, будучи вызваны из резерва фронта. Кроме того, к осажденным еще присоединилось небольшое количество добровольцев с улицы. Кроме перечисленных частей, во дворце побывала и более опытная и действенная сила: две сотни не то Уральских, не то Донских казаков старшего возраста, в пешем строю, с винтовками и пулеметом, и юнкера артиллерийского, то ли Константиновского, то ли Михайловского училища /оба петроградские/, с двумя орудиями. Какие именно казаки и юнкера-артиллеристы это были, я теперь сказать не могу, т.к. в немногих последующих исторических источниках эти две части назывались по-разному, хотя мне все-таки кажется, что казаки были донские, а юнкера-артиллеристы Михайловцы.

Казаки, пробыв в дворце 5-6 часов, молча сложили свои вещевые мешки и дождавшись сумерек, без каких-нибудь объяснений, ушли из дворца. А артиллеристы еще до ухода казаков заявили, что по приказу своего начальства они должны в полном составе и с орудиями немедленно вернуться в училище. Не вступая в дальнейшие пререкания, они быстро покинули дворец. Теперь, после ухода казаков и юнкеров-артиллеристов, во дворце остались юнкера четырех школ прапорщиков, женская рота ударниц и ветераны.

Общее количество людей этих частей составляло приблизительно 1200 человек и то по списочному составу. Без сомнения, не малое количество из этого числа самовольно оставило дворец после наступления сумерек, а может быть и раньше, что можно было легко осуществить в виду множества неохраняемых входов и не полного обложения дворца до наступления ночи.

Каким количеством вооруженных сил располагали осаждающие, сообщает жандармский генерал А.И. Спиридович /см. библиографию/: "В операциях против Зимнего дворца участвовали: Павловский и Кексгольмский полки, 2 роты Преображенского, 800 красногвардейцев Петроградской стороны с санитарным отрядом, 2 броневика и 2 орудия. К вечеру /25 октября, Н.С./ прибыли из Кронштадта команды матросов и 4 миноносца." От себя, как свидетель, добавлю, что еще участвовали матросы 2-го Гвардейского Флотского Экипажа, имевшие постоянные квартиры в Петрограде, в районе Пряжки; крейсер же "Аврора" был введен в Неву до Николаевского моста и стал в расстоянии 1300-1500 метров от дворца. При самых осторожных подсчетах, общее количество вооруженных людей, находящихся в распоряжении Военно-революционного комитета /Троцкий, Чудновский, Антонов-Овсеенко, Еремеев и др./ для овладения дворцом, составляло минимум 12.000 человек, плюс артиллерия военных кораблей.

8. Снабжение. Чтобы закончить сравнение условий, в которых находились обе стороны при боевом столкновении, надо сказать о том, что защитники, т.е. в основном юнкера, после прибытия ко дворцу не были обеспечены продовольствием и, например, для юнкеров Инженерной школы, утром, уже ко дворцу, был доставлен только хлеб. Естественно, что к вечеру они были голодны. Осаждающие же, появившиеся в значительном количестве на Дворцовой площади часов в 9-10 вечера, получали в течение всего дня нормальное питание по казар-

менному распорядку. Итак, согласно приведенным условиям борьбы за дворец каждой из сторон, условия осажденных по всем пунктам уступали условиям восставших, что и дало победу последним. Конечно, осажденные могли бы осуществить какой-нибудь безрассудный прием, вроде вылазки на площадь, в толпу нападающих, всем составом гарнизона, но такой прием имел бы только минутный успех, а затем трагический конец не только для гарнизона, выполнившего вылазку, но и для той его части, которая в составе полуроты юнкеров, с офицером, отправилась под руководством военного комиссара при Верховном командовании, В.Б.Станкевича, к Мариинскому дворцу охранять находящихся там членов Предпарламента. Комендант обороны дворца, полковник Ананьев, это хорошо понимал, о чем он и говорил после событий.

Зададим себе такой вопрос: какие этапы боевого характера и в каких условиях должны были бы пройти осажденные, чтобы оказаться победителями?

Этапом первым являлось бы вытеснение толпы противника с Дворцовой площади и распыление его по прилегающим улицам. Этот этап дал бы быстрый эффект, но за ним, без всякого перерыва во времени, должен был бы последовать этап второй, заключающийся в дальнейшем преследовании противника, с преодолением его, периодически возникающего, сопротивления, надежным закреплением за собой захваченной территории и движением на восток, по направлению к Смольному, имея непрерывную связь с Дворцом, как со своим штабом.

Этап третий и последний заключался бы в овладении здания Смольного, т.е. штаба военно-революционного комитета восставших. Это большое здание находится в расстоянии более пяти километров от Зимнего дворца, на левом берегу Невы, у самой воды, против предместья Большая Охта, расположенном на противоположном берегу.

Этот последний этап оказался бы, вероятно, самым длительным и решающим, когда восставшие и осажденные поменялись бы ролями: части Временного правительства обратились бы в нападающих, а части Военно-революционного комитета в осажденных. И так как последние предусмотрительно обеспечили Смольный надежными средствами защиты, включая и артиллерию, то без таковой не могли бы обойтись и нападающие части Временного правительства.

Не будем вникать в детали трех этапов, варианты которых могли бы быть крайне разнообразны, и не будем гадать в цифрах, какие ресурсы были бы необходимы для полного успеха частей Временного правительства, но подчеркиваем, что для таких операций, происходящих на протяжении пяти километров городских улиц и площадей, и на захват сильно укрепленного Смольного, потребовались бы от Временного правительства ресурсы в очень много раз превосходящие те, которые были им в действительности предоставлены.

Напоминаем сказанное: осаждающие, численно превосходящие гарнизон дворца в 10 раз, и намного лучше вооруженные, для того чтобы взять дворец, должны были преодолеть всего только одну дровяную баррикаду у ворот дворца, тогда как защитники, если бы им было суждено действовать активно, должны были бы вести наступательный бой, продвигаясь вперед на 5 километров, сохраняя связь с дворцом, и взяв Смольный, арестовать все мятежное руководство, без чего вооруженная борьба не могла бы быть решительно закончена в пользу Временного правительства.

Из изложенного можно сделать только один вывод: со стороны Временного правительства, вся затея с защитой дворца, говоря объективно, являлась только результатом патриотической эмоции, потому что идти на серьезную вооруженную борьбу

с реальным тактическим расчетом было уже поздно. Всегда и везде, в опасные военные и политические периоды, властью применялись и применяются военное или другое особое положение, временно ограничивающее права населения. Появление же и развитие в столице во время войны партии, проповедующей пораженческую идеологию, было официально разрешено Керенским и другими, что и привело к катастрофе. Быть иначе не могло, все логично: дореволюционная правительственная обломовщина привела Россию к "февралю", а эсэровская маниловщина - к "октябрю".

ЧАСТЬ 3

ОПИСАНИЕ СОБЫТИЙ

Только в ночь с 24 на 25 октября 1917 года штаб Петроградского военного округа и его политическое руководство, поняв, что большевистские вожди берутся за оружие и уже осуществили ряд подготовительных мер, чтобы силой завладеть властью, отдали приказ некоторым наиболее надежным воинским частям Округа явиться немедленно в боевом состоянии на Дворцовую площадь, к Главному штабу. Во исполнение этого приказа, в указанном месте, а частью уже и во дворце, часам к 10 утра, собрались юнкера школ прапорщиков, о которых уже было сказано. Этот контингент, составляя около 90% всего гарнизона дворца, был укомплектован молодыми людьми призывного возраста, без всякого, конечно, боевого опыта, т.е. учениками. Однако, некоторые из них, несмотря на это, вскоре показали свое мужество и гражданскую доблесть.

Возникает естественный вопрос: неужели у Верховного командования не было в распоряжении в нужном количестве опытных частей, которые можно было бы направить к Зимнему дворцу для охраны перешедшего туда Временного правительства, раз оно уже пошло на пассивную роль в борьбе с ленинским влиянием? Да, такой силы в Петрограде уже не было, потому что Ленин с фантастической быстротой обратил в своих ярых сторонников батальоны и полки петроградского гарнизона, только редкие части которого в лучшем случае объявляли нейтралитет /Петропавловская крепость, Авто-броневой дивизион, частично Павловский полк и другие, и то не надол-

го/. Верные же Временному правительству части еще существовали на фронте, но только до первого соприкосновения с агитаторами или с уже распропагандированными солдатами. Части вызванные с фронта или не были отпущены фронтовым командованием, как, например, главнокомандующим Северным фронтом, генералом Черемисовым, или, не доехав до Петрограда, были по разным причинам возвращены на фронт или сами высадились в пути. Исключение составляли казаки ген. Краснова, добравшиеся в небольшом количестве до Пулкова 30-го октября, т. е. после потери Дворца, и проигравшие здесь бой с большевистскими частями, высланными навстречу. Да и самому Керенскому не удалось привезти с собой с фронта никаких верных частей, за которыми, как считается, он уехал ранним утром 25 октября. В Зимнем же дворце некоторые из защитников на такие части сильно расчитывали и, в частности, ожидали самокатчиков, хотя и относились к ним критически.

Переходя к изложению поведения и настроения гарнизона дворца, надо сказать в первую очередь о его моральном состоянии. Это состояние прошло через три фазы. В течение первой фазы, т. е. с утра, еще не было для всего гарнизона единого начальника и каждая часть руководилась своим командиром. В течение этого времени юнкера были заняты митингами, на которых выявлялось их отношение к "текущему моменту". Такое обсуждение считалось тогда обязательным в царившей идеологии демократического общества. Эти обсуждения происходили в непрерывных митингах во Дворце, у юнкеров то одной, то другой школы: сначала поротно, затем по-батальонно и, наконец, по всей школе. Эти митинги раздувались искателями политического капитала или любителями поговорить и казалось, что это словоговорение и есть главная цель пребывания во Дворце. Инженерная школа, к постоянному составу которой я принадлежал, и во Дворце выполнял обязанности командира роты, этих

многочисленных митингов избегла, так как ее короткий, проведенный сразу всей школой, митинг состоялся еще в своем здании, до выступления к Зимнему. Резолюция, принятая этим митингом, подавляющим большинством требовала немедленного исполнения приказа военного командования о движении к Зимнему дворцу для защиты находившегося там Временного правительства. Приблизительно около полудня эпидемия митингов прекратилась и взамен ее осталось небольшое количество спорящих групп. Наступило время безделья: никаких распоряжений от Штаба округа не поступало и местные начальники ничем своих подчиненных не занимали. Люди бродили группами и в одиночку из помещения в помещение, делясь политическими слухами о создавшейся ситуации. Но вот, около полудня разнесся слух о том, что Штаб округа назначил начальником гарнизона дворца и комендантом его обороны полковника А.Г. Ананьева, военного инженера и начальника школы прапорщиков инженерных войск, прибывшего на Дворцовую площадь вместе со школой.

С его назначением наступила вторая фаза в моральном состоянии гарнизона. Проведя двадцатиминутное совещание с командирами и офицерами частей, и выяснив наличие сил и оружия, он назначил задание каждой части, из которых главными были устройство оборонительных позиций в трех наружных, наиболее важных пунктах дворца /см. схему/, типа баррикад из полутораметровых поленьев, заготовленных городским хозяйством на набережных и площадях, как дрова для отопления правительственных зданий во время предстоящей зимы. Кроме этих работ были указаны и другие: организация штаба обороны, связь, караулы и посты, наблюдение за подступами к дворцу, резервы, и др. Но, как было сказано раньше, знакомство с объектом борьбы у защитников совершенно отсутствовало, благодаря огромных размеров дворца, отсутствию плана помещений и невозможности проникнуть во

многие из них, в виду того, что их двери были на запоре. Случай или умысел? Вероятнее последнее.

Узнав о назначении коменданта обороны дворца, и почувствовав четкость, твердость и рациональность, весь гарнизон очень энергично принялся за свои новые и реальные обязанности. Среди некоторых старших офицеров пехотных школ высказывалось недовольство тем, что комендантом обороны дворца назначен сравнительно молодой и, главное, не пехотный полковник. Это сеяло некоторые пререкания между юнкерами пехотных школ и инженерной школы. Но все-таки чувствовалось, что как будто главное наладилось и что во дворце происходит то, что и должно происходить. Никакого организованного давления со стороны восставших еще не чувствовалось. Дворцовая площадь по-прежнему была пустынна и только по ее окраинам проходили и собирались какие-то вооруженные люди и несколько раз недалеко от дворца проезжал с короткими остановками броневой автомобиль, очевидно, с целью разведки. На просьбы юнкеров разрешить обстрелять ружейным огнем этот автомобиль, офицеры, исполняя приказание Временного правительства "ни в коем случае первыми не открывать огня", запретили обстрелять броневик. Дворец молчал, хотя и ружейная и пулеметная стрельба уже слышалась за Главным штабом, со стороны Невского проспекта. Такое распоряжение Временного правительства казалось странным и вызывало критические замечания, вроде:"...это потому, что там сидят штатские головы, идеалисты, не знающие военного дела." Во время этого разговора, происходившего с моим участием среди группы осажденных, стоявших у окна в первом этаже, один из подошедших офицеров в волнении заявил, что артиллеристы с орудиями уходят из дворца. "Вот, полюбуйтесь", сказал он, указывая на окно, выходящее на площадь. Там, у стены дворца, окружив уходящих с орудиями артиллерийских юнкеров, ос-

тающиеся во дворце уговаривали их не уходить,называли их изменниками и дезертирами, но..."приказ есть приказ", сказал их офицер и по его команде орудия двинулись, пересекли площадь и исчезли.

После исчезновения артиллеристов, настроение гарнизона резко упало, особенно у юнкеров не занятых делом и находящихся в резерве. Момент ухода артиллерии надо считать началом третьего этапа морального состояния гарнизона. Это состояние ближе всего подходит к растерянности, как результат сознания полной покинутости после ухода казаков, такого же неожиданного, как и уход артиллерии. Общая ситуация становилась все более мрачной: никакой связи со штабом военного округа уже не было. Комендант обороны не находил рационального решения, которого не было, и избегал бесполезных жертв среди молодежи. Временное правительство, не сожалея о своих недавних ошибках, но убедившись теперь в их последствиях, понимало безвыходность положения, но заявляло, что подчинится только физической силе.

С наступлением сумерек, активность восставших заметно усилилась: ружейная стрельба становилась громче и более частой; ружейные вспышки видны были ярче под аркой Главного штаба и на углах зданий; дозорные юнкера доносили о скоплении отдельных групп противника на Миллионной улице, за Эрмитажем, и даже о нахождении его /т.е. противника/ в каком-то количестве в самом дворце, на третьем этаже, в помещении бывшего госпиталя для раненных на фронте, в котором давно выздоровевшие солдаты продолжали жить, как в общежитии, пользуясь общей разрухой и подвергаясь обработке агитаторов. Позже осажденные очень почувствовали их присутствие во дворце, когда в пролеты второстепенных лестниц стали падать ручные гранаты, а сами "больные" стали проникать через эти же лестницы во 2-ой и 1-ый этажи.

Более пожилые офицеры гарнизона и некоторые юнкера понимали трагическое положение дворца и свою обреченность, сравнивая свою малочисленность и слабое вооружение с практически неисчерпаемыми силами осаждающих, которые все в большем количестве заполняли с оружием Дворцовую площадь и скрытые подступы ко дворцу.

В этой ситуации последовал окончательный удар по моральному состоянию гарнизона, вызванный уходом из дворца казаков, таким же неожиданным и непонятным, как и уход артиллерии.

За свое кратковременное пребывание во дворце, казаки держались особняком, в разговоры с юнкерами не вступали и на вопросы не отвечали. Обще-гарнизонных обязанностей они не выполняли, дежурств на баррикадах не несли, подчиняясь распоряжению только своего казачьего офицера, который провел общеказачий митинг, решивший, повидимому их уход из дворца.

Только довольно значительная группа пожилых казаков, по словам знакомого мне офицера,попросила его, еще до своего митинга, показать им дворцовую часовню, чтобы видеть "где царские деточки молились Богу". Просьба казаков была удовлетворена и офицер повел их в часовню. Я видел, как казаки собирались к уходу из дворца. Они сначала подкрепились салом с черным хлебом, каждый у своего вещевого мешка, а затем, взвалив на спину мешок вместе с винтовкой, а некоторые еще и с седлом, гуськом выходили на Дворцовую площадь из нижнего этажа дворца в густые сумерки пасмурного, осеннего вечера. Это произошло часа через три после ухода из дворца артиллерии. Несомненно, причина обоих явлений была общая. И удивительное дело: хотя новость об уходе из дворца казаков разнеслась среди гарнизона мгновенно, не было слышно ни сожаления, ни негодования по поводу их ухода, как это имело место при уходе артиллерии.

Объяснение, вероятно, заключается в том, что казаки своей подчеркнутой обособленностью и отчужденностью сразу показали, что, оценив обстановку, они далеко не заинтересованы участвовать в защите дворца, как в деле совершенно безнадежном, в чем их сумели легко убедить пропагандисты восставших. А может быть здесь главную роль сыграла обида казаков на Керенского и все Временное правительство за арест казака Карнилова.

Возвращаясь к факту ухода из дворца артиллерии, хочется добавить, что после описываемых событий ходили слухи о том, что приказ о возвращении артиллерии из дворца в училище был отдан стараниями комиссара этого училища, поддавшегося уговорам пропагандистов. Уход же казаков вслед за артиллеристами окончательно деморализовал оставшихся юнкеров. Характерной особенностью их состояния явилось понимание полного отсутствия руководства со стороны Коменданта обороны и его штаба, которые сами никакого решения не находили. Члены Временного правительства, находившиеся во дворце, в подавляющем большинстве чуждые вопросам практики военного дела, тем более ничего реального не могли предложить, имея только некоторую надежду на прибытие в Петроград к утру Керенского с воинскими частями снятыми с фронта. Исключение составлял член правительства инж. Пальчинский, который временами появлялся среди гарнизона, как внутри, так и снаружи дворца. Однажды он даже увлек за собой юнкеров в успешную контратаку, против проникшей во дворец группы нападающих.

И вообще гарнизон дворца, несмотря на крайне безрадостную перспективу, продолжал по инерции выполнять полученные задания: аккуратно производилась смена дежурных частей на баррикадах, хорошо функционировала связь через посыльных, надежно охранялись арестованные мятежники, собранные в одном помещении. А когда на баррикадах юнкеров сменяли женщины-ударницы, то слышались шут-

ки и смех, как тех так и других, если юнкера помогали своим заместительницам изменить высоту баррикады для удобства стрельбы...

В отличие от полного отсутствия подготовки тактических мер, с которыми Временное правительство должно бы было выступить против агрессора, последний, как потом оказалось, был тщательно подготовлен, в полном соответствии с местными обстоятельствами. Это совсем не походило на восстание большевиков 3-5 июля, полное неумения и колебания, но зато с оркестрами музыки. Теперь, перед 25 октября, не в пример прошлому, большевистские силы были организованы рационально и тщательно. Здесь надо сделать отступление. В последующие годы в советской печати упорно утверждалось, что "Аврора" сделала всего один орудийный выстрел, и то холостой, "жалея народное достояние", и как сигнал к общему штурму дворца.

В действительности, способ атаки по единому сигналу может быть применен с успехом только в условиях полевой или ей подобной операции, когда атакующие располагают надежной связью и единым общим руководством, а вовсе не в условиях городского боя, разбивающего нападающих на отдельные, изолированные группы и совсем не одинаково готовые к общим действиям. Вполне можно допустить, что первые выстрелы "Авроры" были холостыми, как угрожающее предупреждение, но в том, что затем следовали боевые выстрелы - сомнений нет. Вот доказательство. Через несколько дней после ночи потери дворца, я отправился к нему, чтобы видеть его наружное состояние при дневном свете. Вот, что я увидел. Во всех окнах фасада обращенного к Главному штабу - стекол почти не было. Стены были обезображены пулями, оставившими множество белых воронок, то в разброс, то в строчку /пулеметы/ по кирпично-красной окраске, в которую в те годы был окрашен дворец. Особенно был изуродован третий этаж, меньше - второй,

и еще меньше - первый. А в фасаде обращенном к Адмиралтейству, как раз под башенкой, которая видна на фотографии "Дворец со стороны Васильевского острова", зияла пробоина диаметром 1-1,5 метра, как результат попадания разрывного снаряда. На схеме это место помечено крестиком. Под башенкой, или в ней самой, помещалась, скажем, вспомнив стиль минувших лет, "Канцелярия по приему прошений, на Высочайшее имя приносимых". Башенку венчало скульптурное украшение, заканчивающееся царской короной, отчетливо видимой днем на фоне неба. Не хотел-ли наводчик орудия на "Авроре" сбить этот символ? Можно бы было хоть сегодня убедиться в том, что пробоина действительно была: стоило бы только удалить в этом месте штукатурку, как обнаружился бы контур пробоины и другой кирпич, отличающийся от кирпича стен.

Дворец также обстреливался и шрапнельным огнем. Находясь со своим сослуживцем, поручиком П.А. Мейснером, на третьем этаже, мы слышали, как во время орудийной стрельбы, по крыше дворца два раза прокатилась как бы сильная барабанная дробь. Лет через 7-8 после этого, я встретил старого знакомого, техника-строителя Колышева, который с начала войны работал в строительном отделе Городской управы и, оставаясь на этой работе все время, вел работы и по ремонту медной кровли Зимнего дворца. Он подтвердил, что на ней были в разных местах и на большой площади сквозные дыры и вмятины. О применении большевиками боевого артиллерийского огня можно найти подтверждения у многих авторов соответствующих работ. Одно из таких подтверждений я приведу ниже.

С начала обстрела дворца артиллерией, ружейная и пулеметная стрельба со стороны осажденных заметно ослабела. Моральное их самочувствие достигло критического состояния и наступил такой психологический момент, когда люди, борющиеся с оружием в руках, видят безнадежность положения и

теряют чувство оправданности своего формального состояния. Офицерский состав не имел никаких указаний от Коменданта обороны, потому что у него ни одного рационального указания и быть не могло. Штаб округа давно молчал и ничем не помогал дворцу, не присылая даже продовольствия, так что люди ничего не ели с полудня. Только к вечеру я узнал, что Штаба округа больше не существует: под угрозой делегатов солдатского комитета Петропавловской крепости - открыть огонь по зданию Штаба округа, последний сдался и его сотрудники были частью арестованы, частью отпущены, а некоторые подверглись самосуду.

Если сравнить моральное состояние нападающих и осажденных, то получится следующая картина. Цель и тактика у обобщенного типа солдата были вполне ясны: под влиянием агитаторов, он считал, что необходимо устранить Временное правительство, как виновника всех его личных бед - трудностей семьи в деревне и надоевшей солдатской дисциплины с неотступными фельдфебелем и ротным, которые вот-вот погонят его на фронт... Надо только взять дворец, разогнать "министров-капиталистов", и от всего зла наступит избавление. Надо сейчас делать, а делать толпой легко... Берем дворец! Нас много и опасности пока никакой... А если что, то можно хоть этой улицей и в казарму "убечь". Берем дворец! И помнит мужик-солдат слова Ленина, слетевшие с балкона особняка Кшесинской: "...так этого капиталиста надо штыком в бгюхо, в бгюхо, в бгюхо..." Эти слова Ленина мне принес еще до 25 октября, на службе в Военно-инженерной школе писарь Телюкин, слушавший его почти ежедневно в определенные часы у дома Кшесинской.

А какие мысли рождались в голове защитника среднего типа, скажем, у юнкера? Когда утром 25 октября, еще в здании школы, решался вопрос идти ли на Дворцовую площадь для поддержки Временного

РАБОТНИЦЫ И СОЛДАТКИ

Ваши мужья, братья и отцы умирают на фронтѣ за интересы капиталистов.

ПАРТІЯ

№ 5 соціал-демократов БОЛЬШЕВИКОВ № 5

БОРЕТСЯ

против грабительской войны

ПРОТИВ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ДЛЯ СОЛДАТ.

Только эта партія борется и требует

МИРА ХЛѢБА И СВОБОДЫ.

6. Образец пропаганды проводившейся большевиками для разложения тыла русской армии.

Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія.

СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТЪ

Пролетарии всѣхъ странъ соединяйтесь!

№ 132. Ежедневная газета № 132.

Сегодня день всеобщей забастовки!

Пусть сегодня не работает ни одна фабрика, ни один завод, ни одна мастерская!

7. Ежедневная, легальная газета большевиков призывает к всеобщей забастовке 25 октября 1917 г.

Исполнительный Комитетъ
Петроградского Совѣта
Рабочихъ и Солдатскихъ
Депутатовъ
Военный Отдѣлъ

25 октября 1917

Комиссару Военно-Рев. Ком. при Гвардейском экипаже

Военно-Революц. Комитет при Петрогр. С. Р. и С. Д. уполномачивает Вас занять к 6 часам утра Главную контору Государств. банка на Екатерининском канале

Председатель Н. Подвойский

Секретарь Антонов

8. Приказ Петроградского военно-революционного комитета комиссару Гвардейского флотского экипажа о занятии главной конторы Государственного банка, 25 октября 1917 г. Один из подписавших приказ - секретарь ВРК, В. Антонов-Овсеенко.



9. В.А. Антонов-Овсеенко, один из руководителей большевистского восстания /см. стр. 52/.

10. Редкая фотография: юнкера, защитники Зимнего дворца, в одном из залов, до начала перестрелки.

11. Команда одной из бронемашин, участвовавших в осаде Зимнего дворца.

Отъ Военно-Революціоннаго Комитета при Петроградскомъ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Къ Гражданамъ Россіи.

Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла въ руки органа Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Военно-Революціоннаго Комитета, стоящаго во главѣ Петроградскаго пролетаріата и гарнизона.

Дѣло, за которое боролся народъ: немедленное предложеніе демократическаго мира, отмѣна помѣщичьей собственности на землю, рабочій контроль надъ производствомъ, созданіе Совѣтскаго Правительства — это дѣло обезпечено.

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РЕВОЛЮЦІЯ РАБОЧИХЪ, СОЛДАТЪ И КРЕСТЬЯНЪ!

Военно-Революціонный Комитетъ
при Петроградскомъ Совѣтѣ
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

25 октября 1917 г. 10 ч. утра.

12. Воззвание Петроградского военно-революционного комитета, 25 октября 1917 г.

правительства, он думал приблизительно так: сейчас самым главным делом является сохранение Временного правительства и доведение страны до Учредительного собрания; этому всячески мешает партия большевиков, намеренная захватить в свои руки власть, и сделать это силой оружия, что принесет прежде всего победу немцам и обречет Россию на тяжелое будущее. Так думало и подавляющее большинство интеллигенции, что, конечно, юнкер знал. Поэтому в его голове сложилось представление, что Временное правительство, поняв полностью намерения большевиков, решило наконец обезвредить их влияние силой оружия. Но юнкер, проведя во дворце только несколько часов, и поняв реальное положение, не мог скрыть своего разочарования, хотя, связанный дисциплиной, он ничем не выражал своего душевного волнения. Целый ряд фактов поверг его в недоумение и возмущение. Первое, что его обескуражило по прибытии на Дворцовую площадь, это ее пустынность - это означало, что воинских частей нет или их мало. Второе - строжайший приказ: "Ни в коем случае первыми огня не открывать!" Где же правило: всегда стараться взять инициативу в свои руки, даже и при обороне? Нельзя ограничиваться обороной одного здания, надо завладеть и другими, и подступать к ним, и теснить противника все дальше. Но для этого нет никаких предпосылок ни у своего ближайшего начальства, ни во дворце вообще, ни в Штабе округа, на котором, казалось бы, и должна лежать главная забота о Временном правительстве. Юнкера, конечно, не знали, что во второй половине дня Штаб округа уже перестал существовать, а заместитель Керенского, уехавшего за войсками на фронт, министр Коновалов, и министр Кишкин с инж. Пальчинским перешли в Зимний, где уже находились и другие министры. Какой знаменательный факт: во многих случаях истории войн, не только крепости, но и полевые позиции удерживались защитниками неделями и меся-

цами, а Зимний дворец, убежище правительства огромной страны, имеющей сильную, многомиллионную армию, оказался неспособным продержаться даже одни сутки! Невольно приходит на ум защита дворца-крепости Альказар, во время гражданской войны в Испании, когда он был разрушен, но не взят. Несомненно, для такой быстрой потери Зимнего дворца имелось много причин, вытекающих из исторических обстоятельств, которых мы касаться не можем, а также современных первой мировой войне стратегических условий, о которых уже была речь в первой части нашего изложения.

Теперь продолжим повествование, прерванное отступлением. Как показано на схеме, каждая баррикада осажденных имела широкий сектор обстрела, а баррикада у главных ворот дворца держала под обстрелом всю Дворцовую площадь от Миллионной улицы до Адмиралтейства, т.е. полукругом, пересекая огонь двух других баррикад. Юнкера, занимающие баррикады, сменялись каждый час. Обстрел с баррикад велся далеко не все время, т.к. до сумерек подступы были пустынны и стрельба велась для острастки небольших групп мятежников, находящихся за углами ближайших зданий и изредка стрелявших по дворцу. У меня сложилось тогда впечатление, и оно сохранилось до сих пор, что и осаждающие и обороняющиеся избегали стрелять по живым целям. Только этим можно объяснить то, что несмотря на временами очень интенсивную ружейную и пулеметную стрельбу с обеих сторон, а также на ее близкую дистанцию, жертв было очень мало. Мне, например, достоверно известны только три жертвы: я видел фигуру убитого или раненного, шагах в двухстах от баррикады главных ворот, лежащего у южного угла Штаба округа, а от школьного врача Ипатова слышал, там же во дворце, что он только что перевязывал юнкера раненного в левое плечо, а раньше юнкера раненного щепкой от дров в щеку и ухо. Я выбрался из дворца после его сдачи, так

что видел бы гораздо больше жертв, если бы они были. Что касается последовавших расправ с юнкерами и женщинами-ударницами, о чем пишут некоторые авторы, то об этом я ничего сказать не могу, за огромностью территории, на которой происходили описываемые события. Что же творилось во дворце после моего ухода из него - я не знал. Однако могу свидетельствовать, что 26 октября, около полудня, во двор инженерной школы, в который выходили окна моей квартиры /доходный дом при церкви Св. Анны, Кирочная 8/, въехал грузовой автомобиль привезший юнкеров, а многие юнкера явились потом в школу одиночным порядком. С утра 26-го начали циркулировать разные ложные слухи: врача Ипатова солдаты живым выбросили из окна третьего этажа, коменданта обороны солдаты подняли на штыки и добили. Через 2-3 дня я виделся и с одним и с другим. Много слухов ходило и среди юнкеров, еще во дворце, особенно среди находящихся в резерве, но слухи эти имели действительное основание: "Керенский с самокатчиками и другими частями идет на выручку и утром будет у дворца..." "...Генерал Краснов идет с казаками на Петроград..." "...Только что по-телефону сообщили из Городской Думы, что ее деятели, совместно с духовенством, направляются к дворцу с целью примирения враждующих сторон..." и т.д.

Незадолго до первых орудийных выстрелов, меня отыскал юнкер связи и передал мне приказание командира батальона, капитана Голиевского, немедленно явиться к коменданту обороны. Связист проводил меня во второй этаж, в помещение коменданта, находившееся рядом с залом министров. Комендант сказал мне, что сейчас со стороны Миллионной улицы к главной баррикаде подойдут три парламентера от осаждающих. Он приказал мне принять их и проводить к нему. "Возьмите двух портупей-юнкеров /т.е. унтер-офицеров, Н.С./ и не допускайте никаких эксцессов", прибавил он. Когда я подошел

к указанному месту, там уже находились три фигуры, окруженные нашими юнкерами. "Гражданин офицер", услышал я непривычное обращение ко мне одной из фигур, одетой в черное пальто с полуподнятым воротником и в шляпе неопределенной формы, "Мы уполномочены и делегированы Военно-революционным комитетом Петроградского совета для переговоров с Временным правительством и должны иметь свободное посещение дворца, о чем мы договорились с вашим начальством". Я ответил, что только что получил соответствующее приказание и в точности его выполню. Впоследствии я пришел к мысли, что осаждающие выслали парламентеров, а не ограничились телефонными переговорами, как они уже это делали, в целях личной разведки. Телефоны дворца не выключались из общей телефонной сети города всю ночь, что дало мне возможность несколько раз говорить с женой, работавшей сестрой милосердия у раненных, в одном из больших госпиталей.

Сопровождая парламентеров к коменданту обороны, я при свете лучше рассмотрел их: двое были в солдатских шинелях, с револьверными кобурами и ручными гранатами на поясах, а штатский привлекал внимание крайней небрежностью в одежде и какой-то особенной шляпой: у нее были рваные, низко опущенные поля, вся она была измята, в пятнах и в шерсти. Это вызвало во мне неприязненное чувство к ее владельцу и мысль, что на этой шляпе, наверно, всегда ночует кошка. Оба военных во время пути не проронили ни слова и держали руки в карманах, вероятно с револьверами. А сутулящийся штатский энергично жестикулировал и говорил все одни и те же избитые и надоевшие фразы о победе пролетариата, о том, что история делает крутой поворот, что роль Временного правительства кончена, что весь гарнизон Петрограда - за большевиков и т.д. Проводив тройку к коменданту обороны, я спросил его: должен ли я ее сопровождать и обратно, на что комендант ответил, что не из-

вестно, как долго парламентеры пробудут у министров, и что я могу уйти, оставив здесь обоих юнкеров.

Я считал, что сопровождал какого-нибудь рядового коммуниста по фамилии Антонов-Овсеенко, но, как я потом узнал, это был один из наиболее энергичных членов Военно-революционного комитета и ближайший помощник Троцкого. Сказал ли он мне сам свою фамилию, или ее мне подсказал кто-нибудь из юнкеров, которые бывали на многих митингах и знали в лицо всех главных коммунистов, я не знаю. Во всяком случае, в течение всей своей последующей жизни, при встречах в печати с фамилией Антонов-Овсеенко, я всегда вспоминал ужасную шляпу и ночующую на ней кошку. И если это был действительно Антонов-Овсеенко, то ему пришлось на самом себе испытать "крутой поворот" истории. Он был казнен Сталиным в 1938 или 1939 году и, согласно ссылке Роберта Конквеста /"Большой террор"/ на свидетельство Юрия Томского, тогда сокамерника Антонова-Овсеенко, умер с редким самообладанием: "...Надзиратель вызвал Антонова-Овсеенко. Владимир Александрович начал прощаться с нами, потом достал черное драповое пальто, снял пиджак, ботинки, раздал почти всю свою одежду, и встал полураздетым посреди комнаты. "Я прошу того, кто доживет до свободы, передать людям, что Антонов-Овсеенко был большевиком и остался им до последнего дня". Этот эпизод Роберт Конквест предваряет словами: "Если верить Юрию Томскому..."

Вскоре после сопровождения мною парламентеров, ружейная и пулеметная стрельба усилилась. Участились, хотя и с большими промежутками и орудийные выстрелы, которые производили сильное моральное впечатление на осажденных /и ничтожное разрушительное действие на здание дворца/, т.к. подавляющему большинству осажденных казалось, что от этого огня уже никакого спасения нет.

Помню несколько соответствующих эпизодов.

Изголодавшись, я и пор. Мейснер отыскали на третьем этаже ресторан. В одной из его столовых был накрыт большой стол. Во всех ближайших комнатах - ни одного человека. С трудом найденный нами лакей сказал, что стол готов для "господ министров, но они что-то все не идут". "Садитесь, г.г. офицеры, я вас накормлю..." Через несколько минут после того, как мы принялись за какую-то горячую еду, раздался громкий орудийный выстрел. Лакей, что-то улаживающий у стола, вдруг нервно и с размаху бросил на стол салфетку, а сам упал на стул, вытянув ноги и спустив вниз обе руки, и простонал: "Простите, г.г. офицеры, я больше не могу... Что это, для чего? Сумасшедшие!" По крыше прокатилась барабанная дробь шрапнели, о которой я писал. Мы кое-как закончили ужин, поблагодарили лакея и поторопились вниз. Лакей ничего не ответил и оставался в той же позе. Сделав примерно шагов 150, мы оказались в большом помещении, рядом с залом, занимаемом членами Временного правительства. В этом помещении стоял офицер нашей школы Н.Н., а его окружали несколько министров, которых он буквально отчитывал, приблизительно в таких выражениях: "...И эта стрельба и все что сейчас происходит, есть результат вашей политики...Не хотели вовремя решительными мерами уничтожить большевизм, так вот он теперь всех нас уничтожает. Почему вы в свое время не осадили Смольный, а ждали, чтобы вас здесь осадили?" Только один из министров спокойным голосом спросил: "Но кто же знал, г-н офицер?" "Как, кто же знал?" - спросил офицер - "Временное правительство, т.е. вы, господа министры, должны были знать, у вас же была вся власть и деньги, и разведка, и все другое, а вы проповедовали: все партии свободны!"... Офицер начал терять самообладание и сильно повышать голос. Мы знали, что в результате контузии на фронте, его нервы больны. Мы перешепнулись между собой, стали его уговаривать, взяли под руки и вывели из

этого помещения. А вот эпизод о поведении членов Временного правительства во время обстрела дворца и их последних часах пребывания в нем. /Д. Анин - "Революция 1917 года глазами ее руководителей", Н.Н. Суханов - "25 октября"/

"Министры ждали...Загасили верхний свет. Только на столе горела лампа, загороженная от окна газетой. Кто сидит, кто полулежит в креслах, кто лежит на диване. Короткие, негромкие фразы коротких бесед...Шел девятый час. Вдруг раздался пушечный выстрел, за ним другой...Кто стреляет? Это охрана министров по напирающей толпе. - Вероятно в воздух, для острастки - компетентно разяснил адмирал Вердеревский./Примечание: у осажденных не было орудий. Н.С./ Опять говорили по телефону, который - не в пример штабу и Мариинскому дворцу - до конца не был выключен. Говорили с Городской Думой, соединялись с окрестностями. Откуда-то сообщили, что к утру придут казаки и самокатчики. Что-ж, может быть, до утра продержаться! Вдруг раздался пушечный выстрел - совсем другого тембра. Это - "Аврора". Минут через 20 вошел Пальчинский и принес осколок снаряда, попавшего во дворец. Вердеревский компетентно разяснил: "С Авроры". И положили осколок на стол в виде пепельницы. "Это для наших преемников", сказал кто-то из обреченных, не сдающихся людей."

Теперь возвращаюсь к личной деятельности и переживаниям. После моего ужина на третьем этаже, меня вскоре потребовал к себе командир батальона. Как легко было чувствовать себя в безопасности, хоть в данные минуты, в стенах дворца! Направляясь к командиру батальона я сбился с пути и оказался в большом зале, вид которого меня буквально потряс: весь инкрустированный пол был засыпан осколками стекол, кусками гипсовой лепки, штукатуркой и розовой кирпичной пылью. Продырявленные пулями портреты и рамы висели косо и валялись на полу. Гардины были частично сорваны, частью висе-

ли узкими лентами сверху до пола и колебались от ветра... В зале никого не было. И вдруг, из полуоткрытых дверей буквально выскочили мужчина и женщина в шляпах и в верхней одежде и остановились, пораженные видом зала. А потом, увидев меня, заговорили, торопясь и нервничая, перебивая друг друга, о том, что они заблудились и ищут выхода наружу. На мой вопрос - кто они и как сюда попали, они ответили, что являясь по профессии иностранными корреспондентами, они были со вчерашнего дня у друзей, живущих во дворце, ничего не подозревая остались у них ночевать и только сегодня днем узнали, что во дворце происходит что-то необычайное. "Бoooже мой, какой ужас...!" - закончила дама, глядя за порог разгромленного зала /мы уже стояли в другом, безопасном зале/. В заключение, мои неожиданные собеседники попросили меня указать им безопасный выход из дворца. Я им порекомендовал идти в сторону Адмиралтейства, как наиболее спокойного района, но прибавил, что безопасный выход из дворца едва ли имеется. Дойдя с ними до людных коридоров, и встретив юнкеров моей школы, я поручил им вывести незадачливых гостей через главную баррикаду. Другого выхода из дворца не знал ни я, ни юнкера.

Затем я отправился к командиру батальона. Он поручил мне организовать дополнительное помещение для содержания под арестом мятежников, задержанных и обезоруженных юнкерами, а также создать надежное за ними наблюдение. Помещений было сколько угодно и я выбрал комнату больших размеров, расположенную рядом с юнкерским караулом и обставленную, как и все ближайшие помещения, дворцовой мебелью. Я пишу об этой малоинтересной подробности, потому что она связана с очень важным для меня обстоятельством, о котором я сейчас скажу.

Усилив общий караул и дав дополнительные инструкции ее начальнику, я доложил об исполнении

данного мне приказания командиру батальона и направился к выходу к главной баррикаде. Подходя к вестибюлю я услышал шум голосов и одиночные близкие выстрелы, а в следующий момент, открыв дверь, увидел группу матросов и солдат, ворвавшихся с площади через главную баррикаду в огромный вестибюль, под аркой главного входа во дворец, и заполненный как юнкерами отступившими с главной баррикады, так и юнкерами, составляющими охрану этого входа. Я оказался в их толпе. Юнкера двигались крупным шагом с винтовками на перевес. Воздух был наполнен газом сгоревшего пороха с неприятным кислым запахом.

Рядом со мной, с правой стороны, находился юнкер с наганом в судорожно вытянутой руке, направленной в грудь матроса, оказавшегося на одно мгновение в шаге от него, курок револьвера был взведен /унтер-офицерский наган/. Лицо юнкера было серо-зеленого цвета. Я инстинктивно схватил его за кисть вооруженной руки и крикнул - "Вы с ума сошли!"... Не знаю, что мною руководило, вероятно, "интеллигентская безхребетность", как тогда часто говорилось. Юнкер не выстрелил и потерялся в толпе. Я заметил лицо матроса: голубоглазый блондин с мягкими, приятными чертами лица.

При виде смело и активно действующих юнкеров, боевой пыл ворвавшихся сразу испарился. Раздалось несколько голосов: "Не стреляй! Ну, ну, не стреляй!" Вторгшиеся мятежники были окружены юнкерами, разоружены и отведены во второй этаж, к караульному помещению, где только что была подготовлена комната для арестованных и усилена охрана.

Главная баррикада была опять занята юнкерами, ближайшие подступы к ней были свободны от осаждающих. Через несколько минут и я поднялся в караульное помещение и вошел к арестованным. Они держали себя очень независимо: громко разговаривая, они расселись кто куда - на кресла, диваны,

подоконники /конечно, болтая ногами/, а то и прямо на пол у стен. На меня никто не обращал никакого внимания, и я, увидев матроса, в которого хотел выстрелить юнкер, сел возле него, угостил папиросой и начал с ним разговаривать. Это был крестьянин Вологодской губернии, как я тут же от него узнал, и пока разговор шел на посторонние темы, он легко, связно и толково говорил, но когда я затронул тему сегодняшнего дня, и спросил его - понимает ли он опасность немецкой победы в войне, считает ли допустимым измену союзникам и смогут ли большевики без опыта управлять огромной страной, да еще в такое трудное время, он сразу сменил свою свободную речь на отдельные, штампованные фразы, внушенные длительной и доходчивой до него, но по-детски наивной, пропагандой о том, что ни русским ни немецким крестьянам война не нужна, что они хотят жить мирно и трудиться, а Керенский и его министры мешают... "Вот мы его и сшибаем", заключил он. Примечательно, что никто из других арестованных не присоединился к нашей беседе, хотя некоторые из них находились совсем близко от нас и, конечно, слышали о чем мы говорили.

Во время этой, по сути, пустой беседы, вдруг раздался оглушительный грохот, происшедший в этом же помещении, напоминающий взрыв... Все вскочили на ноги, думая, что юнкера начали бросать в комнату арестованных ручные гранаты, но через секунду раздался общий хохот: оказалось, что грохот был вызван падением нескольких пленных, сидящих на столе. Его тонкие, гнутые ножки не выдержали веса беспокойных пришельцев и, сломившись, они вызвали падение мраморной доски, вместе с сидящими на ней.

Вскоре я вышел в коридор и тут для меня начался последний и наиболее тяжелый этап дворцовой трагедии... Коридор и все помещения были наполнены толпой. Я всем своим существом понял,

что с дворцом покончено, что он потерян. Я был морально раздавлен и опустошен, исчез какой-то мой внутренний центр, моя опора, которой я раньше не чувствовал, но которая составляла часть меня... Я был испуган и растерян... Ни одного знакомого, привычного мне лица, все чужие, все враги... И этот нестерпимо гнетущий кислый запах пороха... Теперь конец... Но вдруг я увидел группу юнкеров своей школы, человек 4-5, в таких заметных и родных мне погонах защитного цвета, с серебренным галуном по краю. К этим юнкерам я бросился. У меня в руках почему-то оказалась винтовка, где и зачем я ее взял - не помню. Мы стояли на углу двух коридоров, не зная, что делать... В одном из них двигалась и шумела толпа, другой был полутемный и пустой. Нас никто не замечает... Из ближайшей двери пустого коридора выходит пехотный офицер и проходя мимо нас останавливается. Это сухощавый блондин средних лет, в погонах капитана пехоты. Я узнаю в нем коменданта дворца... "Все кончено", говорит он, "дворец взят, сопротивление бесполезно; оставьте оружие, поручик!"

Его слова еще больше усиливают мою душевную травму и, делая ударение на "этот", я чувствую: "И этот коммунист!"

Конечно, я тогда не подозревал, что это не русский офицер, а переодетый немец, в чем я убедился через много лет, когда, вспоминая этот эпизод, мною овладевали следующие недоуменные мысли: почему он, в момент потери дворца, вышел в толпу восставших, а не находился среди юнкеров, как это было бы естественно для коменданта дворца? Почему он не был вместе с Комендантом обороны, полковником Ананьевым, или в зале министров? И почему этот вооруженный "русский" офицер влился в среду восставших, не боясь, если не самосуда, то оскорблений и избиения? Теперь я уверен, что в то время немцы-организаторы предусмотрели и эту задачу.

Возвращаюсь к последним минутам своего пребывания во дворце. После слов "коменданта" дворца: "Оставьте оружие, поручик", я, как загипнотизированный, прислонил винтовку к стене и пошел к главному выходу. Здесь дорога мне была хорошо знакома: вот парадные комнаты, в которых солдаты уже ковыряют штыками нарядную мебель, пытаясь вскрыть ящики, в поисках "царских бриллиантов и золота". Дальше опять коридор и вестибюль, полные солдат и матросов. Я никого не интересую... Но на выходе к баррикаде, уже частично разобранной, меня окружают солдаты: "А-а,гад, паразит!" - слышу я сзади себя и одновременно ощущаю сильный удар прикладом винтовки в спину, у левого плеча. "...Только бы не упасть!" проносится в голове. "...Затопчат, заколят, убъют..." Знакомый профиль матроса, с которым я недавно беседовал, как с арестованным... Он поднимает наган: "Буду стрелять в того, кто тронет поручика! Мне приказано доставить его в штаб революции!"... Я вижу только спины шинелей, лица солдат исчезают, я свободен...

"Ну, г-н поручик", говорит матрос, "вы меня спасли, теперь я вас буду спасать от наших ребят"... Я не все понимаю..."Давайте, буду буксировать вас до дому." Мы пробираемся сквозь густую толпу, влево к Миллионной улице, и хотя я еще не пришел в себя после пережитого волнения, но, поровнявшись с Эрмитажем, обратил внимание на то, что ворота в ограде, соединяющей дворец с Эрмитажем, широко открыты. Длинный, и узкий двор заполнен вооруженной толпой солдат, о чем уже было рассказано.

"Вот, делай революцию с нашим народом",говорит матрос, "вы видели, как ребята набросились на грабеж? Разве это нам нужно? Власть завоевали, а правду и дисциплину потеряли!" Я думаю, что эти слова я сохранил в памяти совершенно точно, т.к. я их вспоминал в жизни очень часто.

О чем мы еще говорили я не помню. Пройдя Миллионную улицу, мы по диагонали пересекли Марсово поле. Оно было заполнено группами вооруженных солдат и матросов, греющихся у многочисленных костров. О подобной картине вскоре писал Блок в "Двенадцати": "Винтовок черные ремни, кругом огни, огни, огни." Мы перешли через Лебяжью Канавку у Инженерного Замка и мимо Летнего Сада вышли на Пантелеймоновскую улицу. На ней через несколько минут произошла наша встреча с русскими солдатами, которых вели на штурм дворца два немца, переодетые в форму русских офицеров,якобы восставшие вместе с этими солдатами.

Об этой встрече уже упоминалось в первой части этой работы, но здесь она излагается подробнее, с некоторыми существенными деталями. Идя по названной улице, мы увидели странное движение восставших солдат: они шли цепочкой друг за другом, по обоим тротуарам улицы, прижимаясь к домам. Сопровождавший меня матрос спросил встречных: "Куда идете ребята?" Два или три прошли молча, а четвертый ответил: "Брать дворец!" "Опоздали, уже взят", ответил матрос, и мы пошли дальше. Шествие солдат вскоре прекратилось и его замыкали на той стороне две офицерские фигуры, смеявшиеся и громко разговаривавшие по-немецки. Только по тому, как шли солдаты, можно заключить, что их вели не русские офицеры, которые в тех условиях, т.е. глубокой ночью, в расстоянии до дворца больше полутора километров, никогда бы так не повели свой отряд.

Дойдя до Литейного проспекта, мы повернули налево и вскоре дошли до улиц Кирочной и Фурштадтской. На последнюю выходил парадный подъезд моего дома, у которого мы остановились. Матрос вынул из кармана бумажник и,отыскав в нем свою визитную карточку, дал ее мне со словами: "Заходите ко мне в экипаж, если что, а то и повидаемся!" Мы крепко пожали друг другу руку и расцеловались. Он, как

сказал, отправился опять во дворец. Потом, дома, я рассмотрел карточку моего спасителя и, может быть, до этого, мною спасенного. Это была карточка, какие тогда изготовляли в кинематографах профессионалы, вырезая ланцетом для невзыскательной публики, ожидающей начала киносеанса, имя и фамилию заказчика. "Михаил Рожин" было написано на карточке, а сверху был изображен бронзой голубок, несший в клюве письмо; внизу - "2-ой гвардейский флотский экипаж".

Через несколько дней после 25-го октября, я с женой отправился по указанному адресу, навестить Михаила Рожина, но дежурный моряк сказал нам, что казармы пусты, т.к. все моряки уехали на фронт.

Во всей своей последующей жизни я часто вспоминал Михаила Рожина, и при каждой очередной вспышке кровавого террора, учиняемого безумной властью, гадал: жив ли он, или погиб, как не отвечающий своей моральной сущностью "должному стандарту" коммуниста.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Выяснение действительных причин, целей и характера больших общественно-политических событий, как, например, война или революция, не может быть выполнено без длительных, разнообразных, и, главное, правдивых исследований. Их нельзя ожидать от воспоминаний одного свидетеля. Другое дело, если вопрос касается не исторического события в целом, а только отдельных, быстро сменяющихся этапов.

Овладение Зимним дворцом силой оружия было результатом германо-большевистского союза, благодаря которому чины германского генерального штаба тайно проникли не только на территорию России, но и в ее столицу, к верховному правлению. Часть этих чинов и их помощников позировала как русские офицеры, сторонники Ленина. Почему эта маскарадная акция не была своевременно вскрыта и разгромлена Временным правительством? Почему только за несколько часов до первых ружейных и пулеметных выстрелов со стороны восставших это правительство приказало действовать оружием, почему не раньше? Почему это правительство допустило приезд в Россию лидеров коммунистической партии? Подобных вопросов очень много. Одно бесспорно: основной и всеобъемлющей причиной были низменные человеческие страсти и отсутствие подлинной культуры у тех, кто создавал условия, породившие эти "почему?"
В результате и грянула небывалая в России беда, когда, как говорит поэт Волошин, "...И родину народ, сам выволок на гноище, как падаль." /"Мир"/

Социальные эксперименты привели к гибели многих миллионов человеческих жизней. Сколько миллионов живых об этом знало? А сколько из тех, кто имел возможность об этом писать и говорить, этой возможностью воспользовались? Ничтожно малое

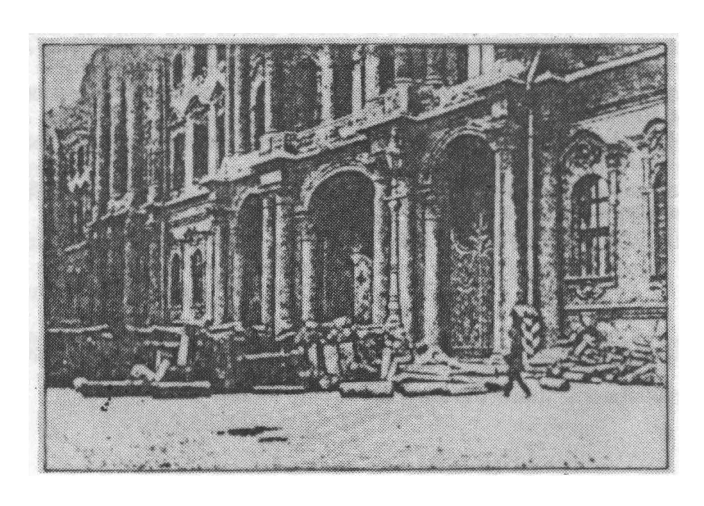
количество. Но время и жизнь проходят и делают свое дело, и тот же поэт Волошин провидел: "Из преступлений, исступлений - возникнет праведная Русь." /"Заклятие"/ Народ российский, перестрадав безмерно, поумнел, нашел себя, многое понял и его больше никогда и никто не собьет с пути - ни отечественные шептуны, ни иностранные кумиры.

Я знаю, что то, что мной здесь написано о событиях у Зимнего дворца, не полностью их отражает. В них есть пробелы, которые я не мог заполнить просто потому, что о многом или ничего не знал, или не был в чем-нибудь уверен. Но эти записки все-таки представляют известный интерес, т.к. они вполне правдивы и касаются почти не освещенной темы.

Делаю еще одно примечание. Во всем здесь изложенном я чаще всего пользуюсь словом "потеря" /в отношении к Зимнему дворцу/, т.к. оно точнее всего определяет действительную картину событий. У защитников, в сравнении с нападающими, не было ничего необходимого для борьбы: ни подготовительного периода для нее, ни требуемой обстоятельствами численности бойцов, ни соответствующего вооружения, ни знакомства с планировкой объекта борьбы, ни даже продовольственного снабжения. Если из двух спортивных команд, долженствующих состязаться, одна находится в нормальном состоянии, а другая не укомплектована, не имеет ни спортивного опыта, ни оборудования, то можно ли их взаимодействие назвать состязанием или борьбой? Нет, это *потеря* без борьбы.

Н. Скородинский

13. Одно из помещений в Зимнем дворце /приемная императора Александра III/, куда попал снаряд нападающих.



14. Баррикады из поленьев перед Зимним дворцом, частично разобранные 26 октября 1917 г.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА

РАБОЧІЙ и СОЛДАТЪ

Органъ Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ

[illegible]

№ 9. Четвергъ, 26 Октября (8 ноября нов. ст.) 1917 года. № 9.

[illegible]

РАБОЧИМЪ, СОЛДАТАМЪ и КРЕСТЬЯНАМЪ!

Второй Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ открылся. На немъ представлено громадное большинство Совѣтовъ. На съѣздѣ присутствуетъ и рядъ делегатовъ отъ крестьянскихъ Совѣтовъ. Полномочія соглашательскаго Ц. И. К. окончились. Опираясь на волю громаднаго большинства рабочихъ, солдатъ и крестьянъ, опираясь на совершившееся въ Петроградѣ побѣдоносное возстаніе рабочихъ и гарнизона, Съѣздъ беретъ власть въ свои руки.

Временное Правительство низложено. Большинство членовъ Временнаго Правительства уже арестовано.

Совѣтская власть предложитъ немедленный демократическій миръ всѣмъ народамъ и немедленное перемиріе на всѣхъ фронтахъ. Она обезпечиваетъ безвозмездную передачу помѣщичьихъ, удѣльныхъ и монастырскихъ земель въ распоряженіе крестьянскихъ комитетовъ, отстоитъ права солдата, проведя полную демократизацію арміи, установитъ рабочій контроль надъ производствомъ, обезпечитъ своевременный созывъ Учредительнаго Собранія, озаботится доставкой хлѣба въ города и предметовъ первой необходимости въ деревню, обезпечитъ всѣмъ націямъ, населяющимъ Россію, подлинное право на самоопредѣленіе.

Съѣздъ постановляетъ: вся власть на мѣстахъ переходитъ къ Совѣтамъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ депутатовъ, которые и должны обезпечить подлинный революціонный порядокъ.

Съѣздъ призываетъ солдатъ въ окопахъ къ бдительности и стойкости. Съѣздъ Совѣтовъ увѣренъ, что революціонная армія сумѣетъ защитить революцію отъ всякихъ посягательствъ имперіализма, пока новое правительство не добьется заключенія демократическаго мира, который оно непосредственно предложитъ всѣмъ народамъ. Новое Правительство приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы обезпечить революціонную армію всѣмъ необходимымъ, путемъ рѣшительной политики реквизицій и обложенія имущихъ классовъ, а также улучшитъ положеніе солдатскихъ семей.

Корниловцы — Керенскій, Каледин и др. дѣлаютъ попытки вести войска на Петроградъ. Несколько отрядовъ, обманнымъ путемъ двинутыхъ Керенскимъ, перешли на сторону возставшаго народа.

Солдаты, окажите активное противодѣйствіе корниловцу Керенскому! Будьте на сторожѣ!

Желѣзнодорожники, останавливайте всѣ эшелоны, посылаемые Керенскимъ на Петроградъ!

Солдаты, рабочіе, служащіе, въ вашихъ рукахъ судьба революціи и судьба демократическаго мира!

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РЕВОЛЮЦІЯ!

Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ
Делегаты отъ Крестьянскихъ Совѣтовъ

15. "Рабочий и Солдат" /номер от 26 октября 1917/ с воззванием написанным В. Лениным.

Радіотелеграмма изъ Петрограда

отъ Военно-Революціоннаго Комитета, принятая въ 8 час. 45 мин. утра, 26-го октября.

Всѣмъ Армейскимъ Комитетамъ Дѣйствующей Арміи, всѣмъ Совѣтамъ Солдатскихъ Депутатовъ.

Петроградскій гарнизонъ и пролетаріатъ свергнулъ правительство Керенскаго, возставшаго противъ революціи и народа. Переворотъ, упразднившій Временное Правительство, произошелъ безкровно. Петроградскіе Совѣты Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ торжественно привѣтствуя совершившійся переворотъ, признали впредь до созданія правительства Совѣтовъ Власть Военнаго Революціоннаго Комитета. Оповѣщая объ этомъ армію на фронтѣ и въ тылу, Временный Революціонный Комитетъ призываетъ революціонныхъ солдатъ бдительно слѣдить за поведеніемъ командного состава. Офицеры, которые прямо и открыто не присоединились къ совершившейся революціи, должны быть немедленно арестованы, какъ враги противъ новой власти.

Петроградскіе Совѣты видятъ спасеніе революціи въ немедленномъ предложеніи демократическаго мира, немедленной передачѣ помѣщичьихъ земель крестьянамъ, передачи всей власти Совѣтамъ и въ честномъ созывѣ Учредительнаго Собранія. Народная революціонная армія должна не допустить отправки съ фронта ненадежныхъ частей на Петроградъ. Дѣйствовать словомъ и убѣжденіемъ, а гдѣ не поможетъ, препятствовать отправкѣ безпощаднымъ примѣненіемъ силы. Настоящій приказъ немедленно огласить передъ войсковыми частями всѣхъ родовъ оружія.

Утайка армейскихъ организацій этого приказа отъ солдатскихъ массъ равносильна тягчайшему преступленію передъ революціей и будетъ караться со всей строгостью революціоннаго закона.

Солдатъ за миръ, за хлѣбъ, за землю, за народную власть.

Временный Революціонный Комитетъ.

16. Листовка с текстом радиотелеграммы, принятой в Москве в 8 часов 45 минут утра, 26 октября 1917.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Д. Анин. Революция 1917 г. глазами ее руководителей. Изд. Аврора, Рим, 1971 г.

В книге приводится обширная библиография на русском и иностранных языках по вопросам двух русских революций, включающая более 200 наименований авторов, книг, сборников и статей. В частности, о связи Ленина с Германией содержатся источники под порядковыми номерами 60, 67 и 73:

а/ Katkov, George. Russia 1917; The February Revolution. Harper & Row, New York, 1967.

б/ С.П. Мельгунов. Золотой немецкий ключ к большевистской революции. Париж, 1940.

в/ Moorhead, Alan. History of the Russian Revolution. London, 1958.

г/ Zeman, A.B. Germany and the Revolution in Russia; 1915-1918. Documents from the archives of the German Foreign Ministry. London, 1948.

2. Юрий Анненков. Дневник моих встреч. 2 тома - 344 и 349 стр. Глава о Н. Евреинове, том 2. Изд. Международное Литературное Сотрудничество, Нью-Йорк, 1966.

3. П. Жильяр. Тринадцать лет при русском Дворе. Изд. Лев, Париж, 1978.

4. Р. Конквест. Большой террор. Перевод с английского Л. Владимирова. Изд. Аврора, Флоренция, 1974.

5. Семенов. Германские деньги у Ленина. "Последние Известия", 10 апреля 1921 г. Перевод с французского - "Le complot Germano-Bolcheviste" - docum. 5, p. 35.

6. А. Синегуб. Защита Зимнего дворца 25 октября 1917 г. Архив Русской Революции издаваемый И. В. Гессеном, том 4, изд. 3, Берлин, 1922.

7. А. Солженицын. Ленин в Цюрихе, ИМКА-Пресс, Париж, 1975.

8. А.И. Спиридович. История большевизма в России. 1883-1917. Париж, 1922.

9. Н.Н. Суханов. 25 октября /см. выше, Д. Анин/.

10. М. Горький, В. Молотов, К. Ворошилов, С. Киров, А. Жданов и И. Сталин. Под их руководством была написана История русской революции. В 1981 году эта книга появилась на французском языке, а в конце того же года поступила в продажу в Канаде. Она не нашла отражения в этих воспоминаниях, написанных задолго до появления на книжном рынке указанной книги, которая озаглавлена: "Histoire de la révolution russe" (Le troisième volume est la troduction de l'édition russe de 1943).

СОДЕРЖАНИЕ

ИЛЛЮСТРАЦИИ